

ЕВГЕНИЙ КРИВЕНКО

ОКЛИКНИ МЕНЯ СРЕДИ ТЕНЕЙ

КНИГА 2

18+

ИЗБРАННИКИ АРМАГЕДДОНА VI

Евгений Кривенко

**Окликни меня
среди теней. Книга 2**

«Автор»

2026

Кривенко Е. В.

Окликни меня среди теней. Книга 2 / Е. В. Кривенко — «Автор»,
2026

Окончание романа. Читать только после 1-й книги "Окликни меня среди теней"

© Кривенко Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

56

Евгений Кривенко

Окликни меня среди теней. Книга 2

Глава I – Снятие седьмой печати

Тина. Вне времени

Она проснулась, но не спешила открывать глаза. Тепло, уютно – хорошо, что весь этот ужас оказался только сном. Однако постепенно стал донимать странный звук, что это так трещит? Нехотя разлепила ресницы.

Она лежит в роскошной двуспальной кровати: спинки из красноватого дерева, сверху белый полупрозрачный балдахин. Стены как будто оклеены обоями – они алые, с золотистыми полосами, на них висит несколько картин. В изножье кровати туалетный стол с большим зеркалом, на столе горят две свечи в подсвечниках. И вдруг... с треском зажигается еще много свечей, они отражаются в зеркале бесконечной туманностью. Что за чудеса?

Она встает, на ней ночная рубашка из белого нежного материала. Подходит к ближайшей картине: там изображена девушка на темной дороге, она пугливо оглядывается, а на лицо падает бледный свет луны. Да это же она сама, в ночь побега! На второй картине тоже она, только лицо не испуганное, а с загадочной улыбкой. Каменная стена, распахнутая дверь, что-то необычное за дверью... Снова треск – почти все свечи гаснут, остаются лишь две. А затем раздается громкий стук. Похоже, стучат в дверь – вот она, тоже из красного дерева и очень высокая.

– Войдите, – говорит она и спохватывается: вдруг кто жуткий появится в этом странном месте? Но входит леди Селина, очень красивая – в аллом платье и с диадемой на изысканно уложенных волосах.

– Доброе утро, Тина. Надеюсь, ты хорошо отдохнула?

– Доброе утро... леди Селина. Да, я отдохнула. А где я?

– Идем, поговорим, – леди Селина манит к распахнутой двери и отступает.

Тина осторожно входит: такая же комната, только с роскошным столом вместо кровати, а вокруг несколько стульев.

– Присядь.

Тина садится, стул деревянный и холодит. Вдоль стен шкафы с золочеными ручками, в пустой стене еще одна дверь, со странным изображением над ней. Леди Селина садится тоже.

– Ты в доме своей души. Редкие бывают в нем при жизни.

Становится очень холодно, сиденье стула прямо ледяное.

– Я что... умерла?

– Ну что ты? Можешь себя ущипнуть. Если хочешь, это сделаю я.

– Не надо, – бормочет Тина, но тайком щиплет себя за бедро. И едва не вскрикивает от острой боли.

– Дело в другом. Ты дошла до развилки, в общем достойно дошла. Тебе даруется выбор и, как я сказала, такое бывает довольно редко. Тебе не обязательно возвращаться, Тина, ты можешь выйти в эту дверь. – Леди Селина указывает на дверь со странным изображением наверху.

– А что там? – с трудом выговаривает Тина.

– Новый удивительный мир, который другие увидят еще не скоро. Тебе уже не придется умирать, и ты встретишь замечательных друзей.

– Выходит, мы действительно побывали в Темном чертоге, – шепчет Тина. – И выходит, я действительно умерла.

– Ну, мы обе почти умерли, – слегка смеется леди Селина. – Но между «почти» и «на самом деле» большая разница. Мужчине я сказала бы: «Теперь можешь выйти из игры», однако женщины относятся к жизни серьезнее. Ну как?.. Можешь не спешить. Тина. Погляди в шкафах, там много красивых нарядов, которые должны были быть твоими в этой жизни. Увы, здесь это не часто бывает.

Соберись, маленькая Тина! Еще не видела такой леди Селину – слишком красивая, слишком утонченная, слишком... снисходительная. Тебе нельзя ошибиться!

Тина облизнула губы: – А там будет Никита? И... у меня будут дети?

Леди Селина внимательно глядела на нее:

– Дети рождаются только в нашем мире, в этом его предназначение. Лишь немногим будет дана привилегия иметь их в новом эоне. А Никита... Может быть, не знаю, я не хочу касаться чужой кармы.

У Тины перехватило горло, она сглотнула. – Ловушка, – прошептала она. – Вы ставите изощренные ловушки, леди Селина. Не ожидала такого от вас. А есть другой выход?

У Селины дрогнули губы: – Конечно, леди Тина. Из спальни есть другая дверь. Только это не ловушка, а продолжение испытаний. Ты думала, будет только одно?

Тина вздохнула, не нужен ей удивительный новый мир. Ей нужен Никита, а он, может быть, сейчас умирает. И вдруг у нее все-таки могут быть дети? Тогда она согласна на любой новый мир. Леди Селина сказала про немногих, вот и напомнит ей при случае. Не одной ей играть в хитрые игры.

– Я хочу обратно, – ровным голосом сказала она. – Надо вытаскивать Никиту, я знаю, что бывает при чрезмерном оттоке энергии.

Леди Селина весело улыбнулась: – Теперь я снова вижу Алую леди. Ты остаешься Тиной, я не смею давать тебе новое имя. Подбери что-нибудь одеться, здесь все твое. Твоя прежняя одежда... сгорела.

Тина содрогнулась, но взяла себя в руки. Встала и принялась открывать шкафы, такого изобилия нарядов раньше не видела! Выбрала элегантное коричневое платье – удивительно подходит к ее глазам, и легкую кожаную курточку. Все сидит, будто на нее сшито. Леди Селина одобритительно кивнула:

– Возьми обратно свое колечко. – И подала кольцо с бирюзой.

Не помнит, что отдавала – с ней явно произошло нечто очень странное. Леди Селина встала:

– Если не возражаешь, я позаимствую у тебя что-нибудь попроще. Сегодня приоделась для особого случая.

Выбрала темно-синий брючный костюм и спрятала куда-то диадему. Потом вернулись в спальню, и леди Селина указала на дверь по ту сторону кровати:

– Символ над этой дверью – колесо сансары, бесконечных перевоплощений. Однако для тебя круг навсегда разомкнут. Иди первой, дверь откроется, куда тебя повлечет истинное желание.

Тина глубоко вздохнула и, повернув ручку, переступила порог...

Комната с белыми стенами, какая-то аппаратура, больничная койка, а на ней – Никита! Укрыт до подбородка, лицо восковое, нос заострился. Дышит ли он? Она вскрикнула и кинулась к нему. Тут же в стене открылась дверь.

– Откуда вы взялись?.. Это вы, леди Селина?

А та крепко взяла Тину за локоть и оттащила от кровати. – Пока не подходи!

Сама села у изголовья, положив ладонь на лоб Никиты, и закрыла глаза. Вошедший (похоже, доктор) мягко повлек Тину к другому стулу. Она позволила себя посадить.

– Нельзя сейчас мешать леди Селине, – прошептал он. – Она вытаскивала людей с того света.

Тина до боли закусила губу: что она наделала? Помнит же, как бывало в том мире, но там помогала Эльвира. Ну пожалуйста, госпожа Селина! Я больше не буду думать, что вы играете со мной, как с мышкой.

Постепенно нашло какое-то оцепенение, а потом опустилась темнота...

Очнулась опять в постели, только место знакомое – их комната у леди Селины. На стенах розовый свет – утро. Сколько же она провалялась? Но чувствует себя прекрасно, сразу вскочила и подбежала к соседней кровати. Там Никита, как будто в норме: щеки розовые, дышит спокойно.

Спасибо, госпожа Селина!

В дверь постучали и вошла Марфа с подносом.

– Доброе утро. Просыпайся, Никита, тебе прописали плотный завтрак. Но пока оставайся в постели. А вас, леди Тина, госпожа Селина просит к столу. Не беспокойтесь, я помогу вашему мужу с завтраком.

Никита открыл глаза. Тина поцеловала его в щеку и кинулась собираться. Завтракали в той же столовой, леди Селина выглядела усталой, с кое-как припудренными тенями под глазами.

– Спасибо, спасибо, госпожа Селина! – радостно сказала Тина. – Простите, что так вас изнуряем.

– Ничего. Вот отдохну денек...

– Всегда она меры не знает, – пожаловался Илья, ставя тарелки на стол (похоже, сегодня было самообслуживание). – Никита крепкий, оставила бы на попечение Тины.

– И у нее будет много дел, – вздохнула леди Селина.

Тина выглянула в окно: снега уже нет, разноцветные дома и везде нежная зелень.

– Все цело, – удивилась она. – А вы боялись, что тут будет выжженная земля.

– Поешь салата, Тина, тебе тоже надо восстанавливать силы... А нападение было, но не на плотно материальном уровне. У Ильи нет дара тонкого управления энергиями, поэтому он просто ударил по воронке изо всей силы, ну, прихватив у меня. Потом поглядишь, что осталось.

У Тины на языке вертелась куча вопросов, но не решилась надоедать. Завтракали молча, в конце появилась Марфа и стала убирать посуду со стола.

– Больному скоро можно будет вставать, – объявила она. – Быстро восстанавливается.

Илья покачал головой: – В полете у них бывало и не такое. Я поглядел отчет, просто удивительно, что такой молодой экипаж справился.

Тина не выдержала и улыбнулась. – У них была мотивация. Иначе на той планете всю жизнь остались бы холостяками.

– Да?.. Наверное не все вошло в отчет, надеюсь, что Никита потом расскажет.

Она опять улыбнулась: кое о чем никому, кроме нее, не расскажет. Леди Селина встала:

– Ну что же, Тина, съездим кое-куда. Никите все равно надо восстанавливаться. Марфа, потом покажи ему, где у нас библиотека.

Тина высунулась на улицу: все же прохладно, и сбегала за курточкой. Не удержалась и поцеловала Никиту в губы.

– Извини, я опять тебя чуть не уморила.

Чуток посидели, целуясь, но надо бежать. Неспешно поехали по улице: дома красивые, кое-кто уже занимается клумбами.

– Вот здесь, – по мановению леди Селины глайдер остановился.

Справа все время была речка, здесь она расширилась, и на другой стороне было скальное обнажение. В нем зияла безобразная черная воронка, деревья выше нее пожелтели.

– Здесь жители проводят собрания, – леди Селина кивнула влево, на симпатичное здание с колоннами. – По случаю хорошей погоды оно проходило на улице. Я думала, наше поселение хорошо защищено, но владетель Темного чертога все-таки сумел создать переход. Темного коридора поблизости нет, поэтому получился лишь туннель для тонкоматериальных существ, и несколько успело прорваться. А здесь эти существа попытались овладеть людьми. Большинство оказались стойкими, вроде тебя, Тина, но двое погибли – поглядишь, что от них осталось. К счастью, Илья как раз шел на собрание. Он ударил по воронке так, что та схлопнулась, и прорвавшиеся быстро развоплотились: им нужна постоянная энергетическая подпитка, пока не завладеют физическим телом.

– У Ильи как будто нет Дара, – пробормотала Тина.

– А ты глянь на него зрением рогн, разрешаю, – улыбнулась леди Селина. – У любого человека можно разбудить спящие центры и обучить управлению энергиями, только это непросто. В этом и была задача рогн, но их вынудили уйти. А Илья... как говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. Я даже не знаю, кто сейчас сильнее на энергетическом плане, разве что у Ильи не хватает тонкости. Но вообще разделить нас нельзя – я заимствую его энергию Ян, а он мою энергию Инь. У тебя с Никитой это тоже получается.

– Только я пока действую грубо, – вздохнула Тина. – Если бы не вы, леди Селина, свела бы его в могилу.

Они ехали снова. Поселок тянулся по левому берегу речки, и вскоре оказались перед длинным двухэтажным корпусом.

– Больница, – сказала леди Селина, – сюда сразу доставили Никиту. Госпожа Кэти с Матвеем погрузили его в глайдер, ну а тот сразу сюда. Сами они отправились домой, в Канаде тоже творятся нехорошие дела. Ну а мы с тобой прибыли другим путем.

Они вошли и поздоровались с дежурной медсестрой.

– Откройте, пожалуйста, морг, – попросила леди Селина.

Тину передернуло, но ничего не поделаешь, а леди Селина – сама безмятежность. Морг оказался во дворе, в холодном помещении. Тина плотнее застегнула куртку и постаралась не смотреть по сторонам, однако от резкого неприятного запаха никуда не денешься. Леди Селина показала на ближайший стол. Тина судорожно глотнула: там разложены обугленные фрагменты тела и... голова. Странная: лысая, темно-коричневая, с рожками над ушами.

– Напоминает изображение дьявола на фреске Луки Синьорелли «Антихрист и дьявол», – спокойно сказала леди Селина. – Конечно, это не сам дьявол, а один из обитателей преисподних миров, видимо Синьорелли подсмотрел его где-то. Там другая материальность, но этому в какой-то степени повезло, успел воплотиться в человеческое тело. Правда, в следующий миг не повезло, хотя Илья умерил силу разряда, все равно разнес его на куски. Даже жаль, хотелось бы изучить подробнее. Такое впечатление, будто человеческая плоть переродилась и приобрела другие свойства...

Тина крепко зажмурилась, сейчас вырвет! Опять леди Селина взяла ее за руку и вывела наружу. Тина с облегчением втянула в себя свежий воздух.

– Давай присядем, – сказала леди Селина, и сели на скамейку.

– Вы говорите так безмятежно, – вздрагивающим голосом сказала Тина. – Как будто вас ничто не волнует: ни это дьявольское существо, ни то, что мы... – Она хотела сказать: «едва не умерли в Темном чертоге», но осеклась.

Леди Селина поворошила ей волосы: – Все равно тебе надо в парикмахерскую, Тина... А что не волнует, это не так. Я даже навестила мир этих существ, чтобы понять, зачем Темный чертог пытается протолкнуть их к нам. Никого с собой не брала, там неприятно, а смрад вообще ужасный.

– И... зачем? – почти всхлипнула Тина.

– Старая мечта о дьяволочеловечестве. Люди не очень устраивают, многие предпочитают умереть, но не подчиниться Мадосу. Попытки скрестить людей с хэ-ути пока не удаются, слишком разная генетика. А вот с этими может получиться, ведь они как бы надевают на себя человеческое тело. Видимо, эксперименты ведутся давно, недаром есть истории о сношениях дьявола с земными женщинами.

– Меня сейчас стошнит, – прошептала Тина. – Мало было хэ-ути...

– Сейчас решается вопрос, кому будет принадлежать наш мир. Я не очень волнуюсь, потому что у нас есть куда уйти. Но мне жаль все бросать, столько трудов вложено. И Илье тоже обидно.

– Вы сказали, что двое погибли, то есть их телами овладели эти твари. А почему не получилось со мной? Вы сказали, что я стойкая, только поэтому?

– Видишь ли, Тина, для этого и был придуман фокус с вакциной. Экипаж Ильи в самом деле привез инопланетные вирусы, их изучили, при некоторых условиях они могли мутировать и стать опасными для человека. Мадос воспользовался этой угрозой, чтобы протолкнуть свою вакцину, по сути это совместная разработка Темного чертога и земных ученых. Она вторгается в энергетическую систему организма, которую на тонком уровне показывала тебе Эльвира – чакры и энергетические меридианы. Но у рогн энергетическая система более устойчива, чем у обычных людей. Вдобавок твой Дар как-то связан с могучей энергией земных глубин, недаром лорд Кайлит заинтересовался тобой. А еще Эльвира провела тебя через испытание миром вечного пламени, так что ты сейчас крепкий орешек, Тина. Чего, увы, не скажешь о большинстве людей.

– То есть на меня вакцина больше не действует?

– Остался некий темный ореол в чакре «манипура»... Гнев, и ты знаешь, о чем я говорю. Поэтому психическое воздействие на тебя все-таки возможно, однако физически овладеть твоим телом пришлые демоны уже не могут.

Тина сглотнула: – А на вас... такое действие возможно?

– На меня нет. Можно только убить, и то если очень сильно постараться. Никому не советую: даже страшно представить, что Илья тогда сделает.

– Спасибо. Простите меня, что я такая глупая леди.

– Ну, благородные дамы редко бывали образованными. А учиться никогда не поздно, просто ты делаешь это не в институте. Кстати, там бы пришлось бы ходить в анатомичку. Рогна, вступая в Огненный цветок, знает, что в случае смерти ее тело будет досконально изучаться. Конечно, если оно не обратится в пепел.

– Зачем это делают, – прошептала Тина, – раз так опасно?

Леди Селина вздохнула: – Две вещи неотразимо притягательны для рогн: физическая любовь и Огненный цветок. И то, и другое смертельно опасно, тебе с Никитой еще повезло.

– В первый раз я дрожала от страха, – угрюмо сказала Тина. – Помнила, что со мной сделали.

– А, – слегка улыбнулась леди Селина, – поэтому и воспламенение центров тебе не грозило. А меня наставница совершенно неожиданно попросила выйти замуж за Илью. Я понимала, что постель неизбежна, и отнеслась к этому спокойно, как занятию по СВП. Это потом мы пришли к любви.

Потеплело внутри, леди Селина делится с ней самым сокровенным.

Та встала: – Кажется, ты пришла в себя. Мне надумалось посетить Барнаул. Там ведь тоже пытались сделать, как в Петербурге но на пути оказалась я. Вдруг измыслили что-то другое? Поговорю с Ильей, и полетели. Если все хорошо, пройдемся по магазинам...

С высоты город выглядел так же красиво: голубая лента реки, живописные здания-паруса вдоль берега, рассыпанные среди зелени дома. Опустились на правом берегу и выехали на мост через Обь.

– Движение на глайдерах возможно только до места проживания, отеля или перехватывающей парковки, – сообщил глайдер. – Ближайшая слева, у Нагорного парка.

Переехали мост: зеленый склон с террасами, по ним ступенями поднимается здание из стекла и серебристого металла. Много людей на широкой лестнице

– Красиво, – сказала Тина. – Что это такое?

– Вертеп, – усмехнулась леди Селина. – Место, где горожане могут поклоняться Мадосу и его якобы божественной супруге. Лицезреть их совокупление и сами предаваться мистическому разврату. Власти обязаны построить такой в каждом городе, обычных дворцов наслаждений уже мало. А чем все кончается, ты уже видела в Петербурге, только здесь трупы не вмерзнут в лед, их понесет река и рыбы будут обсасывать мясо с костей.

– Почему вы не остановите это, леди Селина? – почти закричала Тина.

– Люди сами выбирают, Тина. Кто-то верит в Мадоса, кто-то не очень, но у всех, кто участвует в таких оргиях, в душе поселится мерзость. Темный чертог давно измыслил этот план, погрузить большинство людей в мутную пучину разврата. Не только физического, это еще можно искупить, но духовного. Как можно касаться грязными помыслами самого чистого? Светлые силы с отвращением отвернутся от таких, и лучше бы тебя просто зарезали. Только люди не понимают этого, они будут радоваться и славить Мадоса.

– Выходит, спастись невозможно? – угрюмо спросила Тина.

– Почему же? В любом храме Единой церкви подскажут, где найти убежище. Даже монастыри обязаны принимать супружеские пары с детьми, и ты сама это видела. А этот вертеп я хотела сжечь, но нельзя. Многие испытывают такое отвращение, побывав там, что отворачиваются от Мадоса с его блудницей, и таким надо помогать. Для этого мы и приехали, но не стану вызывать ховер, пусть наш глайдер будет рядом.

Она чуть прикрыла глаза, а через несколько секунд улыбнулась:

– Я слегка изнасиловала городской ИИ. Ничего, переживет.

Поехали со стоянки в наземном режиме, встречные мувексы испуганно шарахались в сторону. Через несколько кварталов выехали на площадь, на другой стороне высился храм. Золотые купола, золотые равноконечные кресты.

– Храм Солнца мира, – пояснила леди Селина, – один из немногих оставшихся. Большинство сделали храмами Единой церкви, она понятнее для людей. Знаешь, почему такие кресты?

– Нет, – вздохнула Тина.

– Видишь, перекладины похожи на лучи. Вертикальный символизирует Бога-Творца. Правый и левый – Свет Предвечный и Сына. Это все еще эзотерическое знание, и это наверное к лучшему. Только духовно продвинутые люди могут осознать его, не внося мутных помыслов. Мадос кощунственно стремится изобразить отношения первых двух лиц Троицы как сексуальные. Бойся коснуться этой грязи, Тина, ты не отмоешься и за тысячу лет. Мадосу и его хозяину нужны именно такие, порченые... Запомни, больше я этого не повторю.

– Спасибо... госпожа Селина.

Та легонько вздохнула: – Я зайду ненадолго, надо переговорить. Ты побудь во дворе, а то внутри придется все объяснять.

У невысокой ограды оставили глайдер и вошли в открытую калитку. Леди Селина взбежала по ступеням храма, а Тина огляделась и села на скамейку возле цветочной клумбы. Астры разных цветов, в центре композиции как бы солнечный круг... Вскоре подошла девушка примерно ее возраста – зеленое платье, голубые глаза.

– Здравствуйте, леди Тина. Меня зовут Эйна, послали, чтобы вам не было скучно.

Надо же, и тут она «леди». Но возражать глупо, так наверняка представила госпожа Селина.

– Вы служите при храме, Эйна?

– Да, прислали из Москвы, в помощь.

Девушка продолжала стоять, и Тина вдруг сообразила: – Что вы стоите, Эйна, присаживайтесь.

Та присела на краешек, продолжая искоса разглядывать Тину. Задержала взгляд на обручальном кольце и немного смутилась.

– Извините. У вас необычная аура, удивительно алая, но будто окружена лиловым ореолом. Такую двойную я видела только у госпожи Селины, хотя у нее другой набор цветов.

Да, у самой Эйны простенькая, зеленоватых тонов.

– Я жила какое-то время в мире рогн, наверное поэтому. Знаете о нем?

– Конечно. Госпожа Эсмеральда обещала сводить, но все нет времени.

– Там сурово, Эйна. Либо переменишься, либо умрешь. Там даже небольшое кладбище есть – для тех, кому не повезло.

– Я знаю, госпожа Эсмеральда рассказывала. Она проводила сквозь тот мир несколько молодых рогн, самой Танцующей это не нужно. Ну а нам необходима сила.

– У вас тут красиво, уютно. Неужели есть опасность?

– Да. Видите, над входом нет лика Мадоса, а он должен быть во всех учреждениях и церквях. Нам уже несколько раз угрожали.

Тина вздохнула: – Вам бы к госпоже Селине, в убежище.

– Я бы с радостью. Но прихожане боятся оставить обжитые места.

– Как бы все не кончилось плохо... – И Тина стала рассказывать, что случилось с обителью Никиты на Урале.

Эйна слушала хмуро, потом помолчали, а вскоре появилась леди Селина.

– Здесь готовятся, – сказала она, – но надо быстрее. Будет время, Эйна, прилетай к нам. Расскажешь про Москву, я давно там не была. Ну а мы обратно домой, по магазинам расхотелось.

Чинно выехали из города, а там поднялись в воздух. Через несколько минут Тина покрутилась на сиденье и спросила:

– А почему мы летим не туда, откуда вылетели?

Леди Селина с любопытством глянула на нее: – Откуда ты узнала?

– По магнитному склонению, конечно. Магнитное поле здесь гораздо слабее, чем на той планете, но ориентироваться можно.

– Молодец. Вздумалось мне заглянуть в одно место, это вотчина Ильи, но и мне любопытно. На Алтае много рудников, вот один заброшенный и обустроиваем под убежище. Чтобы тем, кто остается в Барнауле, было где укрыться. А то повторится, как на Урале.

Местность стала холмистой, слева показались невысокие горы. Пролетели над довольно большим озером.

– Кольванское озеро, – кивнула вниз леди Селина. – Как-то купались в нем с Ильей.

Горы сделались выше, глайдер снизился и полетел над одной из долин. Там, где она сходила на нет меж двух гор, неожиданно опустился на берег.

– Ну вот. Ничего не видишь, Тина?

– Здесь только лес, – удивилась она. – Ну, и горы.

Леди Селина весело улыбнулась: – Здесь на взгорке есть артефакт, даже ты его не увидишь. От щедрот даймонов, прикрывает этот уголок. Такими вещами они еще делятся, конечно если вежливо попросить и хорошо обосновать. Здесь вход в рудник, и для нас удобно, что штреки в основном горизонтальные. Гляди на тонком плане, я посылаю в ту сторону луч, запомни цветовой оттенок.

– Да, – сказала Тина, – голубоватый. Я так смогу.

– Это как бы несущая частота. А теперь я модулирую ее словом, тоже постарайся запомнить, хотя сразу не получится, это не на земном языке...

– Да уж, – сказала Тина.

– Ничего, потренируешься.

Свет как-то странно мигнул. Там, где только что был лесистый склон, обрисовалось строение, приткнувшееся к боку горы. Глайдер стоял на ровной площадке, к строению поднималась дорожка.

– Необычный выплеск энергии, – сказала Тина. – Если бы не тот мир, даже не почувствовала.

– Недаром рогны рискуют там жизнями. Повтори сама.

Луч еще ладно, но слово – язык свернешь, или мозги вывихнешь... Свет опять мигнул. Они в мирной лесистой долине, никакого строения.

– Молодец, Тина. У тебя получилось накинуть покрывало Изиды. А теперь убери снова...

– Опять сработало! Пошли.

Тина вздохнула: – Если бы я могла делать это без какого-то артефакта...

– Ну, отводить глаза ты еще сможешь, а тут все гораздо сложнее.

Они стали подниматься по дорожке, навстречу вышел человек в чем-то форменном.

– Здравствуйте, леди Селина. Я вижу, с вами новенькая.

– Познакомьтесь. Леди Тина, моя сотрудница... Аркадий Сергеевич, начальник охраны. Я пройду, а то давно тут не была.

Коридоры со стенами из грубого камня, низкие помещения с кое-какой мебелью и двухъярусными кроватями. Свет загорался перед ними и гас, когда уходили, везде коробки и какое-то оборудование.

– Запасали на много лет, – сказала леди Селина. – но теперь есть надежда, что все закончится скорее. Мы сделали нечто важное в Темном чертоге.

– А он совсем разрушен?

– Что ты, Тина? Большая его часть существует в четырех измерениях и доступна лишь демонам. Ну и ангелам, конечно, и уже при нас состоится война в небесах. Но в трехмерной части были институты и фабрики, создавались целые армии. Всего этого Чертог лишился, потеряв немалую часть своей силы. И это благодаря тебе и Эмили, я одна бы не справилась. Попала бы в Предвечный свет раньше времени.

Не загордись, Тина, а то сейчас лопнешь!

– Но кто такая Эмили? Она странная.

– Очень. Я не утерпела и спросила, однако редкий случай – мне отказались ответить. Дескать, узнаешь в новом зоне. Я думаю, она вступила на дорогу испытаний намного раньше нас. То ли рогна, которая отказалась взростеть, то ли своевольный ангел-хранитель... Ладно, больше осматривать не будем: припасы, схемы эвакуации – всем этим занимается Илья. Пошли обратно.

Вернулись ко входу, леди Селина переговорила с начальником охраны, и вышли наружу. Все тот же зеленый лес, горы, но солнце поблекло и как будто красноватый отсвет лежит на глайдере.

– Сверху ничего не видно, даже в радиодиапазоне, – сказала леди Селина. – Эта функция действует постоянно.

Спустились к глайдеру, строение позади исчезло, опять безлюдье. Поднялись в воздух: внизу плывут будто волны зеленого моря, а впереди поднимаются более высокие горы. Впереди справа к земле приникли розоватые облака с зубринами и выступами. Леди Селина указала на них:

– Это Катунский хребет, самый высокий на Алтае. Когда-то там стоял Катунь-град и был замечательный университет. Жаль, что это в прошлом, но мы надеемся возродить его.

«Мы» – это наверное она с Ильей.

Вокруг мирный спокойный пейзаж, но почему снежные горы такие розовые, до заката еще далеко? Тина прищурилась: оттенок скорее красноватый, а еще над горами вырастает

облако такого же цвета. И еще стал слышен шипящий звук, хотя это уже за пределами обычного слуха – научилась издали слышать налеты шаровых молний. Скольких коз не досчитались. Но откуда это здесь?..

– Леди Селина! – показала она.

Та глянула, на лице непонимание.

– Нам надо в убежище, – крикнула Тина. – Скорее!

Леди Селина пожала плечами: – В чем дело? Ну ладно... Глайдер, полная скорость. В обычном пространстве.

Тину прижало к спинке сиденья, а земля внизу поплыла заметно быстрее.

– Что ты там усмотрела, Тина?

– Потом... – она еле сдерживала стук зубов.

Пересекли хребет, впереди показалась долина реки – похоже, их Урсул. Вот она уже внизу. Облако выросло до зенита, по нему перебегают зловещие красные зарницы. Шипение перешло в слышимый диапазон. Лицо леди Селины утратило безмятежность.

– Глайдер, сядь на окраине, – приказала она, – возле пожарной вышки.

Стремительно приземлились у башни: наверху галерея, покрытая конической крышей.

– Бегом! – закричала Тина.

Выскочили наружу, перед ними распахнулась дверь, влетели внутрь. Тина быстро огляделась и закрыла дверь на засов.

– Уф! – выдохнула леди Селина. – Что ты паникуешь, Тина?..

Снаружи донеслись пронзительные взвизги. Стены задрожали от ударов, потянуло гарью.

– Наверх!

Винтовая лестница. Тина спотыкается о ступени, за ней еле поспевает леди Селина. Вот они наверху... И оказываются под огненным дождем!

Неисчислимые капли огня несутся с потемневшего неба, ударяются об окна и стены, о землю. По земле пляшут фонтанчики пламени, а крыша гудит от ударов, будто идет град. И в самом деле идет – большие градины разбиваются о стекла, на миг превращаясь в льдистое мерцание. Но лед не в силах справиться с пламенем.

– Как там, – едва не плачет Тина. – С большими шаровыми молниями еще можно договориться. Но маленькие хищные и злые.

Леди Селина хватая Тину за руку: – У всех зданий в поселке металлическая кровля. Но горе людям, кто оказался на открытом месте.

И не только людям: видно, как факелами вспыхивают деревья, огонь бежит по земле, пожирая зеленую траву. Всё быстро заволакивают клубы дыма, от резкого запаха озона становится трудно дышать. Леди Селина выпускает руку Тины и распахивает шкафчик:

– А ведь мы это предусмотрели, только не верилось. Надень респиратор, Тина. – И протягивает ей маску со стеклянными глазами.

В маске дышать легче, хотя и пахнет какой-то гадостью. Огненные капли становятся реже, но крупнее, одна с хрустом разбивается об оконное стекло перед носом Тины. На стекле возникает звездочка из трещин.

– И стекла особо прочные, а я еще посмеивалась над Ильей, – голос леди Селины звучит глухо сквозь маску.

Град как будто заканчивается, и становится тише, но воздух по-прежнему наполнен огненными вспышками.

– Ожоги очень болезненные, – сказала Тина. – В первый раз мы не знали, что это такое, хорошо еще, что оказались недалеко от пещеры. Я орала от боли, а Никита смазывал меня простоквашей, хотя и ему досталось. Госпожа Эльвира сказала, что такие ледяные грозы бывают там по несколько раз в году. С тех пор мы остерегались.

– Ни разу не сталкивалась, но я провела на той планете куда меньше времени. А на Земле такого физического явления, похоже, вообще не бывало. Разве что...

Леди Селина вдруг стянула маску и хлопнула себя по лбу.

– Это есть у Иоанна Богослова: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...»¹. Богословы гадали, что бы это могло быть? Некоторые полагали, что кровь мучеников прольется на головы убийц и их потомков. А оказывается, это неизвестное пока физическое явление... Хотя, стоп! Будто кто-то перенес физические условия того мира на Землю. Чувствуешь, какое невероятное напряжение электромагнитного поля?

– Да, – слабо сказала Тина.

Вспышки в воздухе все реже, но по земле густо стелется дым.

– Урожай погиб, – вздохнула леди Селина. – Хорошо, что мы запасли на годы. Но если по всей Земле такое, миллионы умрут от голода.

Тина пыталась разглядеть основание башни. – Что с глайдером? Мы оставили его на открытом месте.

Леди Селина слегка усмехнулась: – Думаю, для него это семечки.

– Что?

– Одно из старомодных выражений Ильи, я от него нахваталась. Мы можем выйти? Помехи такие, что не могу поговорить с Ильей, а трансид с квантовой связью я перестала носить.

Несколько искр мигнуло в дыму, но больше не было. Некоторое время Тина вглядывалась.

– Да, гроза закончилась. Или, скорее, переместилась дальше.

Леди Селина сердито оглянулась: – И никого на башне! Конечно, у нас нет порченных Мадосом, я за этим слежу. Но безалаберности хватает, надеюсь, кого-нибудь из пожарной охраны ужалили эти молнии. Прибавилось бы ответственности.

Тину передернуло: – Лучше не надо.

Они спустились, на выходе пришлось снова натянуть респираторы. Сквозь клубы дыма было видно, что земля почернела, но глайдер стоял как ни в чем ни бывало. Сели, леди Селина сняла маску, а следом и Тина – воздух свежий.

– Этот глайдер наверное выдержит ядерный взрыв. – сказала леди Селина. – Молодец.

– Не ближе ста метров от точки ноль, – отозвался глайдер. – И то, если меня закрепить, а взрыв будет не мощнее двадцати килотонн. К счастью, на Земле таких боеприпасов не осталось.

– У Мадоса и антивещество есть, – заметила леди Селина. – Ладно, к дому.

Поплыли сквозь дым. Горели деревянные постройки, заборы, деревья в садах, но дома особо не пострадали, лишь кое-где дымились стены. Везде уже бегали люди со шлангами, поднимались клубы пара.

– Спасибо Илье, – сказала леди Селина. – С водой нет перебоев, наверное включили запасные генераторы.

Вот и их дом. Терраса немного обуглена, от вазонов с петуньями остались осколки и неопрятные кучи земли, а так ничего. Из-за угла появился Никита, тоже со шлангом.

– Хорошо, что вы в порядке. Илья Толуманович куда-то умчался, а я тут глайдер спасал.

– Молодец, Никита. Я сейчас... – Леди Селина вбежала в дом и вернулась с голубеньким трансидом в руке. Приложила его к уху, но разговора не было слышно. Через минуту опустила.

– Илья на насосной станции, скоро вернется... – Она посмотрела на Тину, потом на Никиту. – Мне надо в больницу, наверное надолго. Никита, не подбросишь, а то наш глайдер понадобится Илье?

¹ Откр. 8:7

– Пожалуйста. – Никита вывел слегка закоптелый глайдер из-под навеса, леди Селина запрыгнула в него, и умчались.

Тина постояла, потом оглядела себя: красивое платье испачкано сажей, а вот курточку достаточно обмыть водой. Пошла в дом и переделалась в уже привычный комбинезон. Марфы не было, наверное суеты хватает и у нее дома. Вышла и опять постояла: людям надо бы помочь, но не знает, что делать. В горле першило от дыма, однако респиратор надевать не хотелось

Никиты долго не было, вернулся встревоженный.

– Пострадавших немало, – хмуро сказал он. – Помогал с носилками, но первую помощь оказывать не разрешили, тут у многих женщин образование медсестер. Как видно, готовились к чему-то подобному. Даже не верится, настоящая ледяная гроза на Земле!

Подъехала пожарная машина на больших колесах, из нее выпрыгнул Илья, и машина умчалась дальше.

– Еще много надо тушить, – сказал он. – Но Селина упомянула, что вы пролетали над Кольванским озером, и мне в голову пришла одна мысль... Как, Никита, сможешь поехать с нами? Возможно, это связано с космосом.

– Я уже в порядке, спасибо леди Селине.

– Тогда садимся в глайдер и полетели.

После взлета Илья сказал: – Я сначала испугался, что этот необычный град связан с нашим проектом «Венера». Наверное знаете, что часть воды из растаявшего астероида была выброшена обратно в космос, да еще загрязненная венерианскими горными породами. Вполне могла достичь Земли в виде льда. Однако Селина говорит, что это больше походит на необычные грозы, которые вы наблюдали в мире рогн. Опиши подробнее, Тина.

Неловко, что спрашивает ее, а не Никиту. Но она видит больше, чем он.

– Иногда электромагнитное поле там нарастало до каких-то немыслимых значений, – сказала она. – Появлялись полчища миниатюрных шаровых молний, похожих на искры, но капсулирующих большую энергию. Все сопровождалось градом, почему-то красным, как кровь. Если не загнать коз в укрытие, многие погибали, да и нам доставалось. Леса там почти нет, но немало травы сгорало, и было очень трудно накосить достаточно. Только потом я научилась распознавать опасную раскачку магнитной амплитуды. Здесь было то же самое.

– Тогда, скорее всего, это не связано с Венерой, но проверить надо. У Кольванского озера была станция контроля космического пространства, в свое время мы думали использовать ее для проекта «Венера». Но нужна гораздо большая дальность траекторных измерений, до ста миллионов километров, так что предпочли построить новую, поблизости от Катуня. Астроклимат там еще лучше, чем на Кольванском озере.

– Вы участвовали в проекте «Венера»? – спросил Никита.

– Поверхностно, как один из акционеров. Я и сейчас приглядываю, естественно через подставное лицо. Некие таинственные знакомые леди Селины очень заинтересованы в этом проекте. На станции нас примут, хотя вообще это закрытый объект. Надеюсь, дым туда не дошел.

Внизу дыма хватало – он заполнял долины, всползал по распадкам. Но вот показалась гора повыше, с голой скалистой вершиной и каким-то белым куполом на ней.

– Оптико-лазерный центр, – сказал Илья. – Нас уже ведут, спустимся на границе охраняемого периметра.

Белый купол приблизился, вокруг несколько куполов поменьше. Глайдер пошел вниз и опустился возле ограды. К ней примыкало двухэтажное здание, тоже с куполом.

– Учебный корпус, – сказал Илья. – Сюда возят на занятия студентов из Барнаула и Новосибирска.

Их ждали: открылась дверь, и появился пожилой мужчина в белом халате – медик, что ли?

– Профессор Голубев, – представил Илья, – Антон Сергеевич. А это мои спутники, Никита и Тина.

Обошелся без «леди», ну и хорошо.

– Никита один из участников третьей звездной, – пояснил Илья. – Ему интересно все, связанное с космосом.

Холл, а после него зал с причудливой аппаратурой в центре и креслами полукругом. В креслах никого, а потолок – тот же белый купол.

– Я проверил твоё предположение, Илья, — сказал профессор. Обращается фамильярно, похоже давно знакомы. – Конечно, на скорую руку, большая часть оборудования отключена на профилактику. Но и в учебном корпусе разрешение достаточное. Наше ледяное облако не имеет отношения к граду, оно так и вращается в плоскости эклиптики, периодически сближаясь то с Землей, то с Венерой. Вот, смотрите.

Свет погас, вместо него голубым свечением налился потолок. Красиво – на нем огоньки, разноцветные линии, всё похоже на большой вогнутый экран.

– Текущее положение нашего облака здесь... – Профессор умолк, вглядываясь в экран.

– Что это за мигающий красный кружок? – спросил Никита. – На нашем корабле так ИИ предупреждал об опасном сближении.

– Здесь тоже, – буркнул профессор. Он склонился к дисплею, и по нему побежали кривые и колонки цифр. – Какой-то объект приближается к Земле, по предварительной оценке, с окололунной орбиты. А мы не ведем наблюдения уже третий день... Реальное изображение. Увеличить!

Большой сегмент потолка словно провалился в темноту. В ней обрисовалась странная конструкция: белесый цилиндр, окруженный кольцом с какими-то наростами.

– Спускаемый модуль! – выдохнул Илья. – С кольцевой установкой для коррекции траектории. Но почему между ними такой зазор? Обычно они жестко сцеплены до момента разделения.

– Так было и на нашем звездолете, – тихо сказал Никита. – Когда в рабочую зону вводился новый ледяной заряд антивещества...

Вокруг цилиндра наметился зеленоватый ореол.

– Так и есть! – крикнул Никита. – Предварительная стадия аннигиляции. Реакция будет усиливаться с увеличением плотности атмосферы.

– Как было с Токайдо... – словно про себя сказал Илья. А потом тоже закричал: – Где будет контакт с земной поверхностью?

Профессор пробежал пальцами по дисплею.

– Рим, – тускло сказал он. – Ватикан, самый центр города И это явно не случайность, нас недаром обязали отключить аппаратуру слежения. Просто не подумали, что есть еще учебный корпус.

Ореол стал ярче и приобрел голубовато-зеленый цвет. Никита покачал головой:

– Заряд входит в верхние слои атмосферы, Конечно, скорость набегающего потока далека от субсветовой, и полной аннигиляции не произойдет...

– Какова будет мощность взрыва? – перебил Илья.

– Около пятидесяти мегатонн, в основном энергия выделится в виде светового и теплового излучения. Сначала образуются пи-мезоны, затем мю-мезоны, потом электронно-позитронные пары...

– В общем, от Рима останется пустое место, – прошептал Илья.

Тина вздохнула, от попыток что-то понять стала болеть голова.

Вдруг из двух наростов на кольце вырвалось фиолетовое пламя. Вся конструкция скачком ушла вверх, и пару секунд была видна лишь темнота. Тут же изображение вернулось.

– Коррекция траектории, – осипшим голосом сообщил профессор. – Несколько увеличена скорость. Сейчас...

Он опять забегал пальцами по дисплею.

– Слава Богу, точка контакта сместилась. Модуль пролетит над Римом и упадет в Тирренское море, между Италией и Сардинией.

– Воздушно-водный взрыв с растянутым эпицентром, – сказал Никита. – И на корректирующем кольце стоит термоядерный реактор, заряженный дейтерием и тритием, для создания электростатического поля. Именно такие мы использовали на корабле. В зоне аннигиляции температура достигает десятков миллионов градусов, так что это горючее вполне может прореагировать. Получим еще и термоядерный взрыв, с сильным радиоактивным заражением.

В середине кольцо уже пылало зелено-голубым огнем, но вдруг экран снова залила равномерная голубизна.

– Модуль вышел из зоны видимости нашей станции, – пояснил профессор. – В Европе он наверное кажется пылающей горой, летящей по небу.

– Как написано в «Апокалипсисе», – потрясенным голосом сказал Илья, – второй ангел вострубил и большая гора, пылающая огнем, низверглась в море. Только это не божественный суд, а дело рук Мадоса, наверное в отместку католической церкви... Кто же отвел модуль от Рима? Подозреваю, что Кводрион. Когда-то он обрушил модуль на резиденцию председателя Всемирного совета, а теперь, похоже, решил не допустить подобного. Он получал информацию с вашей станции?

– Как только я включил аппаратуру в учебном корпусе, – дрожащим голосом сказал профессор. – До этого модулем видимо управлял ИИ лунной базы.

Илья покачал головой: – Если Кводрион перехватил управление, ему не сносить головы.

Ну и словечки у этого Ильи. А тот поглядел на профессора:

– Думаю, нам надо уносить ноги. И тебе, Антон, лучше с нами. Мадос быстро поймет, что произошло. У тебя здесь семья?

Тот покачал головой.

– Хорошо, а то у нас мало места. Скорее!

Почти выбежали из здания, опять горько запахло дымом. Вдруг перед глазами потемнело, а следом тело пробрал жестокий озноб. Тина вскрикнула.

– Что с тобой? – Никита схватил ее за руку.

– Не знаю, что-то случилось... – пробормотала она.

Профессор удивленно поглядел на нее: – Возможно, реакция на взрыв, он только что произошел. Но какая чувствительность, звуковая волна дойдет сюда только через пять часов!

– Ладно, поспешим. – Илья все-таки задержался, чтобы открыть дверцу для Тины. – Ховеры легиона базируются не так далеко. Мадос присматривает за Алтаем.

Взлетели, постепенно ушли назад белые купола, внизу опять потянулось зеленое вздыбленное море, затянутое дымом по долинам.

– Сколько леса сгорело, – вздохнул Илья. – А как старались его сберечь. Кто же вызвал тот град с огнем? В планетарном масштабе на такое не способен даже Темный чертог. Но сейчас явно время, описанное в Апокалипсисе, там эти события происходят после снятия седьмой печати... Кстати, Тина, ты не видела двух трубящих ангелов? Когда вострубит третий, с неба должна упасть звезда «полынь». Не очередной ли это заряд антивещества?

– Ангелов я не видела. – хмуро сказала Тина. – Госпожа Эльвира сказала, что они обитают в четырехмерных мирах, и люди могут прозревать туда лишь в редких случаях. Если ангелы хотят, чтобы их увидели, они принимают трехмерный облик. Хотя для них это мало приятно, будто влезает в железный корсет.

Профессор удивленно глянул на Тину:

– У вас необычные знакомые, леди.

– Именно леди, – со смешком сказал Илья, – хотя по ней не скажешь. Впрочем, леди Селина тоже вечно в рабочем комбинезоне... Да, жаль, что мы не сможем отследить траекторию звезды «полынь».

– А вот нас, похоже, уже отслеживают. – Никита вглядывался в панель заднего вида.

– Увеличить! – Илья тоже посмотрел в ту сторону. – Ховеры, и быстро приближаются. Глайдер, прибавь ходу.

– Я не рассчитан на сверхзвук, – с ноткой обиды ответил тот (Тина уже привыкла к запросто болтающей машине). – И рядом нет точки перехода, а с нами госпожи Селины.

На панели ховеры были видны крупным планом – две серые машины хищного вида. Вдруг понизу их силуэтов сверкнули голубые вспышки, тут же вокруг глайдера заструилось слабое сияние, на миг сделалось ослепительно ярким и снова погасло. Запахло озоном.

– Зато у тебя есть режим «зеркало», – сказал Илья.

– Не рассчитан на отражение большой мощности. Пока они только примериваются, дали залп издалека. Это не обычные полицейские ховеры, а что-то новое. Энерговооруженность очень высокая, вблизи будет как десять килотонн, причем с нами в точке «ноль».

Илья хмыкнул: – Похоже, Мадос не собирается с нами беседовать. Мы его больше устроим в испаренном виде.

Он отключился на несколько секунд, видимо беседовал с леди Селиной. Потом покачал головой:

– Я смог бы отразить и такой разряд, но неизбежно позаимствую энергию у Селины. А она измотана до предела, исцеления отнимают больше сил, чем метание молний. Никита, у тебя больше нет заряда антивещества?

– Нет, – хмуро сказал Никита. – И дистанция слишком велика.

Илья вздохнул: – Глайдер, когда мы окажемся на дистанции эффективного поражения? И сколько еще до защищенного периметра?

– На дистанции поражения через пять минут. До периметра, созданного леди Селиной, десять минут.

– Не успеем. Что же, в крайнем случае Селина подключится. Только боюсь, что упадет замертво.

Леди Селина уже умирала из-за нее, Тины!..

ОНА НЕ ДОПУСТИТ ЭТОГО!

– Я попробую, – спокойно сказала Тина.

Она вгляделась: да, в каждом ховере мощные клубки энергии, как косматые голубые звезды. Или... как шаровые молнии, хотя не видела таких даже в том мире. Но они пульсируют, это необходимо для сохранения заряда, и если с миниатюрными шаровыми молниями не справиться – их слишком много, – то с двумя крупными можно попытаться. Вот только мощность невероятно велика, а действовать придется быстро. Ну что же, только ее не должны отвлекать. Помнится, леди Селина общалась с глайдером, не произнося ни слова.

«Глайдер, – сказала она на безмолвном языке рогн, – ты слышишь меня?»

«Да, леди Тина».

«Будем общаться так. Не выполняй ничьих приказов, кроме моих».

«Принято. Но только до возвращения леди Селины».

«Согласна. Разворачивайся и лети навстречу преследователям, а в нужный момент отверни на максимальной скорости. Чтобы высвободить энергию в ховерах, мне нужна дистанция около двухсот метров».

С такой она еще сумела удрать в мире вечного пламени, однако тут мощность гораздо больше. Но и скорость глайдера выше, чем у перепуганной девчонки.

«Это опасный маневр. Они могут начать стрелять раньше».

«Ты говорил о ста метрах. И не отвлекай меня больше, только веди отсчет в секундах».

Ее прижало к боковине сиденья – глайдер разворачивался, почти не сбавляя скорости. Что она делает?!

– Тина! – это кричит Илья. – Что происходит?

Не обращай внимания. Примерься к амплитуде пульсации. Эльвира пыталась объяснить про какие-то синусоиды, но потом махнула рукой: «Ты всё лучше представляешь на визуальном плане». Однако, что значит нарастание амплитуды, она усвоила, иначе давно была бы мертва.

«Шестьдесят секунд», – сообщил глайдер.

Входи в резонанс... Не получается, там какая-то защита. Тина! Ты научилась справляться с молниями!

ЕСТЬ!

«Пятьдесят секунд».

Нарращиваем амплитуду колебаний: пики выше, а спады ниже. Получается, хотя с трудом!

«Сорок секунд».

От гнева перехватывает дыхание. Ее насильовали, пытались убить вместе с леди Селиной, а сейчас пытаются убить снова!

«Тридцать секунд».

Голубые клубки вдруг очерчиваются алым, а размах колебаний все больше.

«Двадцать секунд».

Ее спутники что-то кричат, но ей не до этого. Глайдер, миленький, не слушай никого!

Энергия неистово рвется наружу, но надо еще больший размах – она видит мощное капсулирующее поле.

«Десять секунд».

Будто алая волна взмывает в зенит, и такого напора энергии уже ничто не удержит.

«Ноль!»

Навстречу несутся голубые вспышки, всё затопляет сияние, а глайдер уносит вбок так стремительно, что тело теряет вес. По ушам ударяет гром. Вокруг – слепящее пламя! Сейчас она превратится в пригоршню пепла, летящую на огненном ветру...

Лон Метельский. Между водой и пламенем

Темный полог нависал все ниже, из него сыпались красные искры

– Похоже на вулканические бомбы, – сказал Метельский. – Но как будто падают лишь рядом с островом, до нас долететь не смогут.

– Зато сожжет пеплом, – всхлипнула Хельга.

Палуба вдруг перестала оседать. По кромкам бортов взмыли водяные веера, достигая нависшей тучи и обращаясь в клубы пара. Яростное шипение перекрыло даже громохание вулкана. Часть воды падала обратно, омывая борта и палубу. Корабль шел в облаках пара, но его белизна тут же сменилась грязной серостью – на палубу полил грязный дождь.

– Я вспомнила! – прокричала Хельга. – Из фильма о Третьей мировой. Так же шел авианосец, омывая себя фонтанами воды. Это от радиоактивного заражения, молодцы доминиканцы.

Все вокруг заволоч серый туман, но сквозь него уже не польхало багровым, раскаленный пепел отдавал свой жар воде. Только нестерпимо шипело, сделалось очень жарко, а все тело омылось потом.

– Как бы не свариться заживо, – пробормотала Хельга. – Даже эротической статуи не получится.

Она сорвала с себя блузку, лицо и груди лоснились от пота. Метельский тоже торопливо содрал рубашку.

– Самое время заняться сексом, – истерически рассмеялась Хельга. – Сбылись мечты идиотки. Только почему-то не хочется.

– Ты молодец, – хрипло сказал Метельский. – Еще находишь силы шутить.

Его трясло, и не сразу понял, в чем дело – это машины корабля работали на полную мощность, уводя его из раскаленной тучи. Или успеют, или он с Хельгой в самом деле сварятся заживо. Вдобавок со страшной силой качнуло: корма задралась, так что ударился головой о крышу глайдера, затем рухнула вниз, а нос корабля полез куда-то в небо.

– Цунами, – процедил Метельский. – Может, половина Сицилии обвалилась в море. Если сейчас перевернемся...

– И не взлетишь, – плачущим голосом сказала Хельга. – Мы сразу сгорим.

Палуба норовила встать вертикально, корпус корабля стонал от неимоверного напряжения. Или это звенят тросы, вдруг сейчас оборвутся?.. Но корабль провалился, как в бездну, пена взметнулась выше палубы, к горлу подступила едкая горечь, последовало еще несколько сумасшедших качаний... Они были уже меньшего размаха, но Хельга все равно блевала в скотканную блузку, а Метельский изо всех сил стискивал зубы. Постепенно становилось светлее, качка уже не вытрясала внутренностей. Показалось небо, угрюмо-красное в разрывах черных туч. Назад уползала пелена непроглядного мрака, «Азамара» шла среди толчеи волн.

– Как будто выбрались, – сипло сказал Метельский и обернулся. Не видно ни острова, ни вулкана, только мрак и пламя, да еще раздается тяжкий грохот. Пискнула «Сивилла», привлекая внимание.

«Сообщение от Гедеона. Непосредственной угрозы нет, конец боевой тревоги, команде занять места по аварийному расписанию. Наружные посты могут спуститься вниз».

– Кого не смыло, – буркнул Метельский. Он открыл дверцу, закашлялся от едкого запаха серы и сошел на палубу. Первым делом проверил крепление глайдера: тросы выдержали, но пару болтов вырвало с мясом, без сварки ничего не сделаешь. Дул холодный ветер, пришлось снова надеть пропотевшую рубашку, а Хельге отдал свою куртку.

– Пойдем в каюту, переоденемся.

В коридорах суета, но «Гедеон» оставил их двоих в покое, так что без помех добрались до каюты. Там Хельга кинулась в ванную и тут же пожаловалась в приоткрытую дверь: – Вода еле течет, не вымоешься. Хотя чего ною, уже могла кормить рыб.

Кое-как привели себя в порядок, а там ожила трансляционная сеть. Объявлялся аврал по устранению повреждений и очистке корабля от грязи. Метельскому с Хельгой, как некавалифицированной рабочей силе, «Гедеон» указал участок для уборки и где взять швабры с ведрами. Хельга было вздохнула: «Вот для этого нарядов не припасла», но в кладовой оказалась и спецодежда.

– Всё предусмотрели, – буркнула Хельга. – Не удивлюсь, если и дров запасли по старой привычке. А то как сжигать на костре подвернувшуюся ведьму?

Из кранов наконец пошла вода, правда морская, и некоторое время драили палубу. Грязную воду выливали прямо в море.

– На круизном судне делать этого не приходилось, – вздохнул Метельский.

Уборка шла по всему судну, благо рабочих рук хватало. Вспомнив, Метельский сообщил «Гедеону» о вырванных болтах. Вскоре электрический свет погас, наступило серое утро. Над морем поднимался мутно-красный диск солнца, а позади, где осталась Сицилия, все еще громоздилась черная туча. Прозвенел гонг – завтракать. Перед этим все прочитали молитву полатыни.

– Придется привыкать, – тихонько сказала Хельга. – У вас есть хорошее выражение: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Во время завтрака холорама показывала репортажи из Италии – опустошенное побережье, развалины, работа спасательных команд, – так что ели в угрюмом молчании.

– До Рима приливная волна, конечно, не дошла. – сказал Метельский. – Горожане могут по-прежнему кушать фисташковое мороженое.

Хельга встала: – Хорошо, что напомнил. Пойду возьму, пока запасы не кончились. Пере-таскала бы в наш холодильник, но неудобно.

С уборкой копошились до обеда, потом поднялись к глайдеру. Верхнюю палубу приводила в порядок целая команда уборщиков, но уже заканчивали, а возле глайдера возился матрос со сварочным аппаратом.

– Сюрикены забыла, надо взять, – вспомнила Хельга.

– А мне трость, – сказала Метельский. – Хотя здесь вряд ли понадобится

Больше делать было нечего, и постояли у перил.

– Это уже Ионическое море, – сказал Метельский. – До Хайфы где-то полторы тысячи километров.

– Что это? – Хельга указала налево, в сторону горизонта.

Там в небе появилась зеленоватая полоска, похожая на след от метеора. Она быстро удли-нялась, одновременно становясь все ярче.

Это как будто в стороне Рима, – сказал Метельский. – Сивилла, покажи карту...

Он не договорил. Полоска стала невыносимо яркой, на все лег призрачный зеленоватый свет. Одновременно раздался громовой голос:

– Говорит Геден! Всем немедленно закрыть глаза! Зажмурьтесь, и еще прикройте глаза руками. Повторяю: всем немедленно закрыть глаза!..

Не раздумывая, Метельский вскинул руки к лицу, краем глаза отметив, что то же сделала Хельга, и крепко зажмурился.

Все равно он увидел свет – будто под закрытыми веками наступил солнечный день. Показалось, видит даже фаланги пальцев сквозь ставшую призрачной плоть. Всё беззвучно, и когда свет медленно угас, звука тоже не было.

– Надо же, – сказал Метельский, отнимая руки от лица, – похоже на вспышку ядерного взрыва. Откуда, такое оружие давно уничтожено?

Из динамиков снова загремело:

– Говорит Геден! В Тирренском море произошел мощный взрыв, предположительно реакция аннигиляции. Ударная волна ожидается через полчаса, следом пойдет цунами. Корабль разворачивается носом к волне и набирает воду в танки, чтобы встретить волну максимально устойчивым. Всем покинуть открытую палубу и надеть спасательные жилеты. Ожидайте волну на смотровых палубах, чтобы при необходимости быстро выпрыгнуть в море.

Хельга повернула к Метельскому побледневшее лицо:

– Ни фи́га это не поможет. Будем болтаться в воде, а акулы отъедать нам ноги.

– В Средиземном море акул нет, – машинально сказал Метельский. – Держись!..

Палуба резко наклонилась, он ухватился за поручень и обхватил Хельгу за талию. Огромный корабль поворачивался, вздымая пену выше бортов.

– Сначала в каюту, – прокричал Метельский, – там пояса!

Чуть не волоча Хельгу, скатился по лестнице. В коридоре несколько раз приложило о стены, но кое-как добрались до каюты. Спас жилеты висели на видном месте, торопливо надели. Корабль стал выравниваться, однако палуба заметно оседала.

– Я поняла! – крик Хельги донесся сквозь какофонию звуков. – Это набирают воду, как тогда, чтобы омы́вать корпус. Но и пото́нем скорей, так что быстрее на смотровую палубу.

Она располагалась в передней части корабля и была сужена к носу, с большими окнами с обеих сторон. Ее уже заполняли люди. Метельский постучал по стеклу, это оказался ударо-прочный пластик.

– Такой у меня в таежной хижине, – сказал он. – Никакой медведь не взломает. Только не дерни случайно рычаг аварийного открывания.

– Так и не пожила в хижине миллиардера, – вздохнула Хельга. – Однако если не сгорели, может быть не потонем?

«Азамара» полностью выровнялась и шла к черной туче на месте Сицилии.

– Остров нас загораживает, – сказал Метельский. – Надеюсь, удар будет не в полную силу... ОТКРОЙ РОТ!!

Тучу рвало в черные лохмотья. На воде показалась серебристая полоса и быстро приблизилась. В следующий миг голова будто взорвалась от звенящего удара, а окна залепило пеной. Было видно, как беззвучно шевелит губами Хельга, и только постепенно звуки стали проникать сквозь ватную пелену.

– Надо же, – сказал Метельский, еле слыша себя. – Если полчаса, то это шестьсот километров. Держись изо всех сил, скорость цунами может достигать тысячи километров в час.

Под окнами шли металлические перила, схватился за них так, что заболели пальцы. Уж вскоре показалась волна – полоской на сумрачном горизонте. Полоска быстро ширилась, и стало видно, что это стена воды, увенчанная белым гребнем. Надвинулась как-то вдруг... От страшного удара Метельский чуть не полетел назад. Руки рвануло так, что едва не вывернулись суставы. Рот у Хельги был открыт – то ли позабыла закрыть, то ли кричала, но ничего не было слышно в чудовищном грохоте. Корпус «Азамары» стонал и скрипел, зарываясь в волну, палуба сильно накренилась, в окнах была видна только зеленоватая толща воды. Вынырнут ли из нее?

Но пока вода скорее помогала – не погрузись в нее корабль до половины корпуса, его швыряло бы как щепку и скорее всего перевернуло. Молодцы доминиканцы, вряд ли это было стандартное оснащение судна. И «Азамара» справилась! Вода вдруг хлынула водопадами вниз. Они снова увидели хмурый дневной свет. Корабль стал падать в водяную долину вслед за уходящей волной, а потом страшный крен сменился обычной качкой. Метельский с трудом отпустил поручни, а рядом Хельга тихонько хныкала, растирая побелевшие пальцы. Не всем так повезло, кое-кто валялся, отброшенный к переборке. Хорошо, если отделаются синяками. По морю шли волны с белыми шапками пены, но это было ничто по сравнению с чудовищной волной, едва не поглотившей их.

– Интересно, откуда Гедеон заранее узнал о взрыве? – задумчиво сказал Метельский. – Иначе половина людей ослепла бы. Сивилла, есть связь с Кводрионом?

«Нет, Лон, – скучным голосом ответила та. – Он будто умер. Остался только Гедеон».

– Наверное это устроил Мадос. – сказал Метельский Хельге. – Решил разделаться не только с папой римским, но и со всем Римом. Вряд ли он собирался бомбить Тирренское море. А Кводрион вмешался, и похоже его отключили. Сивилла звучит совсем по-другому.

Хельга вздохнула: – Пропал твой источник информации. Ладно, пойдем поможем пострадавшим. Корабль вроде пока не тонет.

Предупреждение «Гедеона» оказалось вовремя: лишь несколько человек было ранено, а корабль получил не столь существенные повреждения и должен был дойти до Хайфы. Однако когда поднялись на верхнюю палубу, оказалось, что глайдер, решетки радиолокаторов и военную технику смело начисто.

– Надо было забрать оставшиеся наряды, – огорченно сказала Хельга. – Впрочем, мы еще легко отделались.

Действительно, побережье Италии и Франции было опустошено. Холорама показала новости: разрушенные города, перевернутые машины, трупы на берегу и в морских волнах – настоящий Апокалипсис. Постояли у поручней: черная туча еще висела позади, но солнце проглянуло, и по воде тянулась багряная дорожка. На палубу поднялось еще несколько человек.

– Как красиво! – вдруг сказала Хельга. – Это зеленый луч?

Прямо по носу корабля над горизонтом выросла тонкая зеленоватая колонна. Следом зарево охватило треть горизонта и медленно угасло.

– Зеленый луч появился бы, где заходящее солнце. Скорее, еще один заряд антивещества, – хрипло сказал Метельский. – На востоке и гораздо дальше, чем было у нас.

Вечером узнали, что второй взрыв произошел в Гималаях, в истоках великих рек, омывающих южную Азию. В ресторан заглянули только, чтобы поглядеть новости: он почти пустовал, большинство людей пошло на заупокойную мессу по погибшим в Италии и Франции. Помещение, отведенное под церковь, было забито, так что постояли у входа. Молитвы на латыни, торжественное и грустное звучание органа.

– Католики верят, – объяснил Метельский, – что души умерших, если они не закоренелые грешники, сначала попадают в чистилище. Молитвы живых помогают миновать его и перейти в рай.

– А у православных душу как будто сразу определяют в рай или ад, и притом навечно, – сказала Хельга. – Тут хотя бы остается надежда.

– Ну, сейчас немногие в это верят, – пожал плечами Метельский. – Это нас угораздило попасть к сильно верующим.

– Мне пока нравится, – сказала Хельга, вставая с колен. – Хоть какой-то просвет впереди. Так что вечером постились, да и ночью Хельга не захотела секса.

– Тяжело на душе, – сказала она. – Как представлю, что творится по всей земле...

Но утро было солнечное, вокруг синее море, и она повеселела. Команда и все, кто что-то умел, занимались ремонтом, а Метельский предпочел сидеть в каюте: трудовых навыков за свою жизнь не приобрел. Впрочем, отец Себастьян с «Гедеоном» не беспокоили. К середине дня всё, что требовалось, залатали и починили. «Азамара» спокойно шла в открытом море. После обеда завалились в постель, и пришедшая в себе Хельга опять долго испытывала матрас на упругость...

Метельский очнулся к вечеру. Хельга еще спала, сквозь иллюминатор на нее падал пурпурный свет заходящего солнца, губы припухли, и лицо было, пожалуй, счастливое. Приятное чувство – его женщина не просто удовлетворена, а счастлива. Словно почувствовав его взгляд, Хельга открыла глаза. И совсем они не холодные, а нежно-голубые, как первые цветы, распускающиеся после снежной зимы.

– Доброе утро, – сказала она. – Хотя нет, еще вечер. Я словно выпала из времени, побывала в каком-то блаженном краю.

Поднялись на палубу и постояли у поручней. Позади в море тонуло багровое солнце, а с левого борта синели зубцы какой-то суши. Метельский сверился с картой, вызванной в поле зрения «Гедеоном».

– Это остров Крит, – сказал он, – тут была цивилизация еще до греческой. А завтра минуем Кипр, только вряд ли увидим. Это остров, где вышла из моря богиня любви Афродита.

– Побывать бы там, – вздохнула Хельга. – Но любовные каникулы нам вряд ли светят. Будем урывать, что сможем.

Пужинали, ночь прошла спокойно. Утро было сумрачное, солнце опять поднялось красное, будто из моря крови. И после завтрака толком не рассвело: серое море, серое небо, тусклый диск солнца. Глянули новости, по всей Земле такая же картина – предполагали, что Земля вошла в плотное облако космической пыли. Но канал переключился, и по внутренней сети выступил отец Себастьян. После неизбежного «In nomine Domini» сказал:

– Братья и сестры, не обманывайтесь. В «Откровении» предсказано, что когда четвертый ангел вострубит, будет поражена треть солнца и треть луны и треть звезд, и день потеряет на треть свой свет. Это предвозвестие бед, которые обрушатся на людей после гласа пятой трубы. На землю упадет звезда, которая отворит колодец бездны, и из дыма выйдет саранча в броне, чтобы мучить тех, кто не имеет печати Божией на челе. Однако мы не позволим нашим сердцам омрачиться и встретим эту саранчу молитвой и огнем. У нас есть только краткое описание, данное Иоанном, и мы не знаем, какое физическое оружие эффективнее против нее. Возможно,

излучатели, но они тяжелы и нуждаются в частой замене источников питания. Я и наш новый сотрудник встречались с чем-то подобным в подземельях Иерусалима, и эффективной оказалась обыкновенная картечь. Поэтому вы получите боевые дробовики для ближнего боя, разработанные на основе немецкого «Necler&Koch». С правительством Израиля использование оружия согласовано. Пункты выдачи укажет Гедеон, а потренироваться можно на открытых палубах. Мишени не нужны, поскольку точность стрельбы невысока из-за большого рассеяния, но на близкой дистанции автоматы создадут стену из картечи. Наша миссия оборонительная, открывать огонь только при нападении или помогая попавшим в беду людям. Главная защита от зла – не оружие, а печать Божия на челе.

– И где ее ставят? – кисло сказала Хельга. – А вообще мне нравятся доминиканцы: отец Себастьян упомянул про молитву, но упор сделал на оружие. Вот не думала, что против сил ада выступим с легким стрелковым оружием.

– Должно быть, отец Себастьян имел в виду осу-переростка, что ужалила его в Иерусалиме. Судя по обломкам, это что-то механическое. Вряд ли такие водятся в аду.

Оружие получили быстро, никаких формальностей. Дробовик походил на автомат с утолщенным стволом и был не тяжелым, к нему шла сумка с обоймами. Послушали краткий инструктаж «Гедеона»: в магазине 10 патронов, огонь лучше вести короткими очередями по три выстрела, и отправилась на ту же смотровую палубу. В этот раз открыли окна. Метельский надел наушники, выставил ствол в проем и дал короткую очередь. Грохот, сотрясение всего тела и фонтан пены в полусотне метров от корабля.

– В принципе, отдача не сильнее, чем у карабина, – сказал он, – и калибр тоже двенадцатый. Но тут выстрелы идут подряд, так что прижимай приклад крепче.

Хельга тоже дала очередь и поморщилась.

– Ну, в реальной боевой обстановке отдачу мы и не заметим, был бы эффект. Ладно, хорошего понемногу, пойдём отсюда.

Отнесли оружие в каюту и отправились на обед.

– Фисташковое пока есть, – сообщила довольная Хельга. – Интересно, как с ним в Израиле?

– Если он будет цел, когда приплывем, – сказал Метельский. – Страна маленькая, одного заряда антивещества хватит.

– Мадосу нужен иерусалимский храм, – отмахнулась Хельга. – Чтобы красоваться со своей демонической подружкой на глазах у публики.

– Ты смотришь эту порнографию?

– Одного раза хватило, меня чуть не вытошнило. Похоже, я становлюсь консервативной.

– По постели не скажешь... Ох, извини.

Хельга порозовела и оглянулась.

– Получаешь штрафной балл, – сердито сказала она.

– И что это значит?

– Ночью узнаешь.

После обеда шли по сумеречному коридору к своей каюте, как вдруг Хельга остановилась.

– Ты оставил дверь открытой? И там свет!

Холодок прошел по спине: не захватил ни пистолета, ни трости. Быстро взял себя в руки:

– Если свет горит, значит кто-то вошел. И раз не погасил, то не прячется. Пойдем.

Метельский не стал заглядывать, сразу вошел в каюту. И остановился: в кресле сидела молодая женщина с черными волосами и знакомым лицом – это она предостерегла его о лавине на Алтае, а потом явилась в московском пентхаусе. То же легкое платье, то же не совсем реальное, как бы чуть призрачное лицо... А с призраками надо быть вежливым.

– Здравствуйте, – неловко сказал он. – Похоже, мы знакомы.

Хельга протиснулась мимо и исподлобья оглядела незнакомку.

– А вот я нет. Кто это, Лон? Твоя... – она осеклась.

Женщина слегка улыbnулась: – Меня зовут Герда, по фамилии Иванова². Не ревнуйте, Хельга, любовницей вашего мужа я быть не могу, потому что не совсем материальна.

– Я встречал Кая Иванова, на Алтае... – сказал Метельский.

– Верно, я его сестра. Да садитесь, вы у себя дома. Это я в гостях.

Метельский сел на диванчик напротив, Хельга рядом.

– Прежде всего, спасибо за помощь, – сказал Метельский. – Вы предостерегли меня об опасности три раза.

– Четыре. Одного раза вы не заметили, но среагировали на подсознательном уровне.

– Откуда у вас такой талант? – спросила Хельга. – И почему вы заботитесь о моем муже?

– Меня попросили, – слегка улыbnулась Герда и кивнула в сторону Метельского. – Одна его дальняя родственница.

– Госпожа Элиза, – медленно сказал Метельский.

– Снова верно, – сказала Герда. – К сожалению, у вашего трансиды уже нет связи с Кводрионом, и мне напомнили о вас. А моя обязанность – помогать, предостерегать и быть проводницей.

– Вы сказали, что не вполне материальны. Можно... – Хельга неожиданно поднялась и протянула руку к Герде. Пальцы вошли в платье и... исчезли.

Хельга отдернула руку и нервно рассмеялась: – Действительно. Извините меня, впервые встречаю призрака.

– Я не совсем призрак. Просто тонкоматериальное тело, ну или из уплотненного эфира, как вам больше нравится.

– Слышал о таком, – вздохнул Метельский. – Мама рассказывала, что у нашей семьи были подобные встречи. А что с Кводрионом? Это он отвел блок антивещества от Рима?

– Да, – сказала Герда. – Мадос был разгневан. Кводриона отключили от всех сетей, и на физическом плане он более недоступен. Но уничтожить не смогли, о нем позаботились его новые друзья. Спасти десять миллионов человек, обрекая себя на небытие – это героический поступок. Такой не останется без награды.

– Но как вы стали такой, Герда? – спросила Хельга. – Не расскажете... раз уж мы теперь знакомы?

– Ну, хорошо, – вздохнула та. – Я дочь сенатора Ильи Варламова. Мадос упрятал его в тюрьму, а мне с братом пришлось скрываться...

Интерлюдия: Герда

Она остановила лошадей и огляделась. Всё как в «Снежной королеве»: заиндевелый лес, внизу зеленовато-голубая лента замерзшего озера, утесы в нахлобученных снеговых шапках. Только вместо оленей лошади, и она не ищет Кая, а уезжает от него: надоели вольные нравы в Катунь-граде. Хорошо, что Крис предложил пожить в его доме на Телецком озере. Прилетела в Кебезень и, взяв напрокат упряжку, поехала. С невысокого перевала начинался спуск среди заснеженных кедров, она тронула лошадей и санки весело заскользили вниз.

Вот и полузаброшенный поселок Яйлю на берегу Телецкого озера. Единственная улица расчищена, как и дорога – встретила по пути автоматический снегоуборщик. А вот к домам очищена лишь пара проездов, наверное зимой тут мало кто живет. Дом Криса ближе к озеру – одноэтажный, типовой сборки. Она подъехала к крыльцу, куда уже вышел встречать Крис, красивый черноволосый мужчина, и какая-то женщина.

² См. роман «Танцующая в огненном цветке»

Она недовольно нахмурилась, но соскочила с саней и сразу попала в объятия Криса. Приятные, крепкие, в груди сразу сладко заныло. Крис распряг лошадей и отвел в пристройку, взять упряжку была его идея: «Прокатимся в село Иогач, да и вокруг Телецкого озера». Быстро вернулся и помог взойти на крыльцо, а женщина поклонилась. Тоже без головного убора, черноволосая и слишком легко одетая для морозной погоды.

– Аоми, андроид, – представилась она.

Ну, это еще терпимо. Аоми открыла дверь, а в прихожей помогла освободиться от шубы. Когда отошла с ней, Герда подмигнула Крису:

– «О», как я понимаю, обслуживание. А «м» означает массаж?

Крис рассмеялся. Тоже приятный, беззаботный смех.

– Что ты? Медсестра, базовые медицинские услуги. Я часто хожу на лыжах, и в тайге можно ногу подвернуть. А она сильная, вытащит и первую помощь окажет. Да и вообще, мало ли что.

– Понятно, – сказала Герда.

Да, секс с андроидом Крису вряд ли нужен. Сильный, красивый, девицы и так вешаются. Она вздохнула: вот у нее лицо слишком вытянутое, а глаза цвета болотной ряски.

– Пойдем, перекусишь с дороги. А после на озеро, покатаемся на коньках.

– Так вечер уже.

– Скоро лучшее время для катания, сама увидишь.

Аоми ловко накрыла стол, вкусно запахло.

– Зайчатина в кисло-сладком соусе, – объяснил Крис. – Местные ставят силки на зайцев, им разрешено.

И на вкус оказалась хороша, да еще аппетит разгулялся с мороза. Потом Аоми налила чаю, еще посидели, поболтали и, захватив коньки, отправились к озеру. Уже глубокие сумерки, на небо высыпали звезды, но горы зеленовато освещены. Сели на скамейку возле берега (теплая!) и переобулись.

В озере, словно в ледяном зеркале отражались горы. Когда выехала на лед, сердце захолонуло: показалось, будто повисла над пропастью. Темная бездна вверху, темная бездна внизу, яркие звезды, наверное так бывает в космосе. Вдруг подул ветер, и ее понесло к другому, дальнему берегу – не остановиться. Но не успела испугаться, как ее обогнал Крис, легко развернулся и поймал в крепкие объятия. Опять тепло разлилось в груди, а еще сладко заныло в паху. Может, сегодня все же займутся любовью?

И они действительно занялись любовью – на широкой постели, покрытой медвежьей шкурой («Повадилса один лошадей задирать», – объяснил Крис), так что день оказался изумительно хорош...

Она спала. И снова ехала в санях по заснеженному лесу, только запряжены были не лошади, а олени, совсем как в «Снежной королеве». Крис сидел сзади, обнимая ее, и было тепло от шубы и крепких мужских объятий. Над кедрами высилась гора, похожая на разрушенный замок. Они едут к нему, это замок снежной королевы? Но ведь он должен быть из льда. И замок послушно превратился в ледяной, а лес в скопление причудливых льдин. Синие длинные тени тянутся от них – уже вечер, и по шпильям замка стекает красноватый свет. Они не успеют доехать: быстро темнеет, и уже первые звезды появились на небе. Надо вернуться, они побывают там в другой раз. А еще он становится каким-то темным и неприятным.

Олени послушно поворачивают – и вот они уже возле дома Криса. Окна ярко освещены, но их белый свет почему-то неприятен. Крис соскакивает с саней, берет ее на руки и несет в дом. Что-то странное с его лицом, она вглядывается... И вскрикивает – это белое безучастное лицо Аоми! Она пытается вырваться, встать на ноги – бесполезно, ее держат будто клещами. «Она сильная». И внутри дома всё по-другому, или ее вносят в другое помещение: что-то вроде больничной палаты с узкой лежанкой из пластика. Аоми ловко скидывает на нее Герду, и она

почему-то оказывается обнаженной. Ах да, занимались любовью с Крисом, и она уснула нагая. Значит, сейчас просто видит сон – и сразу становится спокойнее.

Аоми берет ее руку и... пристегивает ремнем к поручню вдоль лежанки. Ремень режет запястье и, прежде чем она успевает опомниться, Аоми пристегивает и вторую руку. Быстро раздвигает ей ноги и защелкивает пряжки на щиколотках. Что за странный сон?.. Действуя как автомат – а она и есть автомат! – Аоми накидывает широкий ремень под грудью и плотно притягивает ее к лежанке. Другими ремнями закрепляет бедра и на шаг отступает.

Это не сон! Холодно, больно, глаза режет яркий свет. Герда дергается, но ремни держат крепко, как недавно руки Криса.

– Что вы... делаете? – выговаривает она.

Не отвечая, Аоми поворачивает какой-то рычаг. Лежанка начинает клониться: ноги все ниже, а голова поднимается вверх. Вскоре Герда уже висит вертикально, она стонет от боли в запястьях и груди, и начинает отчаянно звать: – Крис! Крис!

Дверь открывается, в проеме Крис – стоит и молча глядит на нее.

– Что... происходит? – выдавливает она сквозь слезы. – Мне больно. Освободи меня!..

Крис не отвечает, и становится жутко от его холодного изучающего взгляда. Герда опускает глаза: ее тело перетянута ремнями, как в эротическом фильме. Она видела такое на вечеринках: кому надоел обычный секс, могли уединиться, связывать друг друга, поиграть в насилие. А могли не уединяться, на публике ощущения острее. Раз поглядела – и стало противно, едва не вырвало. Неужели Крис тоже из таких и сейчас будет насиловать ее, наслаждаясь беспомощностью жертвы? Но у них только что был секс! Очень хороший секс!

Крис наконец делает шаг от двери и идет к ней. Сейчас она плюнет ему в лицо! Но Аоми накидывает еще один ремень, на рот, и плотно притягивает голову к кушетке. Крис останавливается, проводит ладонью по ее телу, груди.

– Прощай, – говорит он. – Мне было хорошо с тобой. Но если не сделаю это, мне будет очень плохо.

Поворачивается и уходит, а она плачет навзрыд. Вдруг ее запрокидывает – это кушетка вернулась в горизонтальное положение. Ее руку грубо перетягивают, и Аоми всаживает в нее иглу. Ну да, она же медсестра. По прозрачной трубке начинает течь темная жидкость.

Ее кровь!

Она еще раз пробует вырваться – бесполезно. Лежит, часто дыша, а мышцы дергаются. Неужели никто не поможет? В Катуньграде думают, что она уехала на неделю. В Кебезени тоже взяла упряжку на пять дней... Трансид! Как она могла забыть!

«Трансид, экстренный вызов!»

Молчание. А потом высвечивается красным: «Нет связи». Как такое может быть? Сердце бьется все чаще, голова начинает кружиться, тошнит. Сколько крови из нее уже выкачали? Сколько им надо? Кому «им»? Зачем?

Теперь сердце бьется слабее, по телу выступает холодный липкий пот, очень хочется пить. Перед глазами мелькают черные мушки. Черные... черные... И вокруг все темнее и темнее...

Она идет по темному коридору, и впереди тот замок: основание тонет во тьме, а шпильки налились багровым, словно ее кровью. Там она будет жить? Крис, я же любила тебя!..

Кто-то дергает за руку, и она в испуге скашивает глаза. Серое изможденное лицо, серая тень вместо тела.

– Пойдем вместе, красotka. Жаль, что у тебя выкачали всю кровь, было бы нам пиршество в Темном чертоге.

Кто это? Где она? Господи, хоть кто-нибудь, ПОМОГИТЕ!..

Очень далеко и в очень странном месте Селина³ открывает глаза и резко садится на узкой постели. Стряхивает остатки сна – вне сомнения, она услышала Зов. Медлить нельзя.

Выход тонкого тела!

Повисает в серой пустоте и справляется в Хрониках Акаши об источнике Зова. Лишь недавно овладела этим искусством, и не все ей открыто, но для Зова отчаяния запретов не существует. Какой ужас!..

Она скользит в сером тумане, и временами какие-то жуткие тени возникают из него – и тут же шарахаются прочь.

Потому что она не одна...

Внезапно Герду перестают волочить за руку. Нечто черное появляется впереди – еще темнее, чем замок. А следом зажигаются янтарные круглые огни, словно фары. Черный громадный пес стоит поперек пути!

– Чего это ты? – шипит серая тень. – Кто разрешил? Именем Темного чертога я...

Пес неуловимо быстро оказывается рядом. Разевает огромную пасть – белый блеск клыков, а Герду обдает жарким дыханием, – и откусывает голову жуткой спутнице. Потом выплевывает голову, серое тело валится на землю, из него течет беловатая жидкость. Герда сама едва не падает от ужаса, а пес еще и подталкивает боком. Хотя нет, это он пытается поддержать ее на ногах! Вне себя от страха, Герда как-то понимает, что нужно делать, и цепляется за его жесткую шерсть.

Серая пустота...

Она в какой-то комнате, хотя не помнит, как вошла в нее. Высокие стены, потолок теряется в темноте, а впереди трепещет и потрескивает какое-то огненное облако. Герда шурится: похоже, это горящие свечи, их так много, что языки пламени сливаются в сплошное море.

Где она?.. Но это лучше недавнего кошмара. Сзади раздается стук, и Герда оборачивается. Дверь высокая, а ручка как будто из чистого золота. Что за чудеса?

– Войдите, – машинально говорит она.

Входит женщина, высокая, в алом платье, с изумрудно-зеленым камнем на груди. Да это и есть изумруд! Лицо строгое, но носик чуть вздернут, и нет впечатления надменности.

– Я леди Селина, – говорит она, – первая жена твоего отца. Мы состоим в свойстве, поэтому твой зов достиг меня.

– Мама говорила о вас, – робко сказала Герда. – Удивлялась, как отец двадцать лет мог прожить с настоящей ведьмой. И еще говорила, что вы вернетесь.

– Я не ведьма, – улыбнулась леди Селина. – И я вернулась.

– Где я? – Герда огляделась вокруг.

– Давай присядем, – леди Селина повела рукой, и пламя свечей притухло. Стало видно, что они горят за дверным проемом в другую комнату, а рядом стол и несколько стульев. Стол роскошный, из зеленого камня, да это же малахит! Герда осторожно присела, а следом леди Селина.

– Ты умерла, Герда. Точнее, твое физическое тело, и сейчас ты в доме своей души.

Умерла? Ее пробрал ледяной озноб, только от свечей веяло слабым теплом. Вспомнилось белое лицо Аоми, и как кровь вытекает по прозрачной трубке.

– Твоя кровь представляет большую ценность для Мадоса. По его приказу ее выкачали всю. Естественно, ты умерла и теперь в тонком теле, его еще называют эфирным.

Герда оглядела себя: удивительно, она снова одета в то красивое платье, что подбирала для встречи с Крисом. Она ничуть не изменилась!

³ Рогна, героиня романа «Танцующая в огненном цветке»

– Этот мир очень пластичен, Герда. Ты уже меняешь его, делая таким, каким привыкла видеть. Не спеши, а то застрянешь среди иллюзий.

– Вы тоже умерли, леди Селина?

Та рассмеялась: – Пока нет, всё дела. Вот сейчас надо заняться тобой.

– Похоже, вы могущественны, – прошептала Герда. – Мама говорила, очень сильная ведьма.

– Престань называть меня ведьмой, а то обижусь. И я далеко не так сильна, как хотелось бы.

– Что вы сделаете со мной?

– Я? Ничего, всё зависит лишь от тебя. Перед тобою выбор, Герда, и такое дается редко. Но тебя предали, убили, и страдание очистило то тёмное, что отягощало твое тонкое тело. Ты уже не подлежишь суду. Можешь войти в ту дверь, – леди Селина указала в сторону горящих свечей, – лечь в постель и уснуть. Ты будешь спать почти тысячу лет, однако для тебя они пройдут как мгновение. Ты проснешься в обновленном мире, увидишь маму, давних друзей. Тебе предстоит радостный труд по дальнейшему преобразению Земли. Одно «но», этот мир не будет знать смертей, но и рождений тоже. Сотни миллионов будут возвращаться из тонких миров в свой прежний дом, и Землю надо приурочить. Кто хотел детей, мог иметь их в этом эоне.

А она так мечтала, что у нее и Криси будут дети, что... Брось даже думать о нем! Постаралась говорить ровно, и все же голос дрогнул:

– Если я могу выбирать... что может быть еще?

Леди Селина внимательно глядела на нее.

– Остаться. Быть проводницей, советовать и предостерегать. Есть проводники мужчины, и есть женщины. Есть в физическом теле, и в тонком, как ты. Это нелегкая служба, и по моим прикидкам она продлится еще двадцать-тридцать лет. Зато ты войдешь в новый эон в полном сознании и получишь прекрасное совершенное тело. Тебе будет дозволено иметь детей. Все же для сотрудников должны быть привилегии.

Она все-таки не удержалась: – А... что будет с Крисом?

– Соответственно карме. Вряд ли он умрет до смены эонов, Мадос тоже заботится о своих. А потом попадет в тот мрачный мир, где я когда-то побывала с твоим отцом. Может быть, в еще худшие места. Не пытайся мстить, хотя у тебя будут возможности для этого.

– Но я ничего не знаю, ничего не умею.

– У тебя будет наставница. Первое время будете выполнять поручения вместе, а потом одна. В свободное время можешь помогать родственникам или кому захочешь. Так что ты выбираешь?

Возможность любви, дети... Ну найдется же кто-то, кроме Криси

– Я остаюсь.

– Хорошо. Много званых, но мало избранных. И всегда помни, что ты сказала слово...

– Ну и история у вас, – сказала Хельга, – прямо мороз по коже. Я так поняла, что вы можете появляться и исчезать. Как такое возможно?

– Я существую по большей части в четырехмерном пространстве. Меня вы видите слегка призрачной, а если я смещусь на другую частоту вибраций, то не увидите вовсе. Вы мне тоже кажетесь... какими-то плоскими. Точнее объяснить не получится.

– Раз предостерегаете, значит видите будущее?

– Скорее, варианты. Как вы порой представляете свое будущее, только здесь детальнее. Когда какой-то вариант становится неизбежным, можно оценить – есть ли опасность? Будущее можно изменить, пока оно не застыло в формах настоящего.

– Мудрено, – вздохнула Хельга. – Но я рада, что у Лона будет такая советница. Вы уж и про меня не забывайте, Герда. Только... вы так и будете существовать возле нас в полу проявленном виде?

– Это не обязательно, – улыбнулась Герда. – В основном я буду занята в других местах. А вам могу являться в нынешнем виде.

– Может, часто и не стоит, – сказал Метельский. – Когда возникает опасность, то неожиданное появление здорово мобилизует. А если захотите пообщаться, вы ведь можете предупредить?

– Конечно, – кивнула Герда. – Да и вы можете меня позвать. Я всегда вас услышу, а вот появлюсь, если будет возможно.

Хельга привстала, но тут же уселась обратно.

– Хотела предложить вам чая, – со смешком сказала она. – А потом подумала, что вряд ли будете.

Герда усмехнулась: – Да, у призраков свое меню. Но мне нравится излучение, которое от вас исходит. Только, Хельга, у вас оно какое-то нервное.

– Будешь нервничать, – сказала та. – Выходит, и я такой стану... когда умру.

– Ну, не обязательно, – протянула Герда. – У вас есть все шансы встретить новый эон в этом же теле. Это мне шансов не оставили.

– Я вам сочувствую, – снова вздохнула Хельга. – Будем надеяться, мы дотянем до этого эона.

– А пока до свидания, – неожиданно сказала Герда.

И растаяла в воздухе.

– Уф! – выдохнула Хельга. – Ну и знакомые у тебя, Лон. Кводрион, потом какой-то загадочный японец, а теперь эта призрачная вещунья. У вас есть хорошее выражение: «так и крыша поедет».

Остаток дня прошел спокойно, а уже в постели Хельга тихонько рассмеялась:

– Я наверное постесняюсь вытворять то, что вчера делала. Твоя невидимая знакомая вполне может подглядывать.

– Не будет она, – сказал Метельский. – И что, у нас теперь и обычного секса не будет?

– Не пугайся, супружеские обязанности никто не отменил. Пускай глядит, если хочет, бедную девочку и так лишили плотских удовольствий. Или бывает четырехмерный секс?

Им пришлось довольствоваться обычным, но и трехмерные объемы Хельги были очень приятны, а после, лежа в расслаблении, она слегка фыркнула:

– Ну и любовник оказался у Герды. Явно использовал ту кушетку и по прямому назначению, для садистских утех. Я бы его к ней привязала и кое-что отрезала. Медленно, чтобы растянуть удовольствие.

– Не думал, что ты такая кровожадная.

– Я не кровожадная, и даже не мстительная. Просто порой хочется справедливости.

Уже ближе к утру Метельский вдруг проснулся. Тихий голос сказал в голове:

«Лон, это опять Герда. Извини, я уж буду на ты. Выйди с Хельгой на палубу, увидите нечто интересное. Я вас встречу».

Метельский протянул руку и потрепал Хельгу за голое плечо: – Просыпайся, Герда хочет что-то показать.

– Она что, уже спит с тобою? – недовольно пробурчала Хельга.

– Слышал только голос в голове, а еще перешла на «ты». Наверное, соскучилась по общению.

– Оказывается, и призраки бывают надоедливыми, – зевнула Хельга. Но встала и принялась одеваться.

Трап никто не охранял, и поднялись на пустую палубу. В небе тускло светило несколько звезд, моря не было видно. «Азамара» словно висела а черной пустоте. В слабом свете пары фонарей у поручней виднелась темная фигура.

– Не спится, Герда? – спросил Метельский.

– Я никогда не сплю. Извините, если побеспокоила.

– Ладно, – сказала Хельга, держась за руку Метельского. – И что вы хотели показать?

– Вот, – Герда показала в небо.

Одна звезда двигалась. Цвет был красноватый, словно уголёк плыл по небу, и постепенно переходил в багровый. Вдруг он стал ярко-рубиновым, и лучи выстрелили из него в разные стороны горизонта. Теперь будто рубиновая звезда спускалась к земле, и море озарилось трепетным красным светом.

– Трехмерным зрением вы не увидите, – прошептала Герда. – Это не звезда, а огненный лик Аваддона, ангела бездны, ему дан ключ от нее. Владелец Темного чертога послал его, чтобы приуготовить себе оплот на Земле.

Донесся пульсирующий рокот. Зловещее кровавое светило опустилось по носу судна, и через некоторое время над горизонтом полыхнуло красное зарево, а потом померкло. Хельга содрогнулась.

– Гласа шестой трубы вы не услышите, – сказала Герда. – Однако с бедствием, которое она предвещает, непременно столкнетесь позже. И не спешите идти спать, я давно мечтала увидеть это.

На востоке было стемнело, но он вдруг озарился. Призрачно-фиолетовое свечение появилось над морем и превратилось в арку от одного края горизонта до другого. Под ней возникла дуга чистой синевы, и обе стали плавно и торжественно подниматься в небо. Ниже под ними вспыхнула ярко-голубая дуга. На палубе «Азамары» появились тени от надстроек и мачты. Под голубой зажглась зеленая – невероятно чистого, изумрудного цвета. Еще ниже загорелась дуга яркой желтизны, и стало светло, как днем. Потом появилась оранжевая дуга, затем торжествующе-алая – и семицветная радуга повисла над морем.

Под алой аркой быстро восходило солнце небывало-рубинового цвета. Оно словно возносилось на двух пламенных столбах. Метельский не мог оторвать глаз от необычайного зрелища, рядом часто дышала Хельга, палуба наполнялась народом. Стал слышен как бы отдаленный гром.

– Жаль, что вы не видите, – тихо сказала Герда. – Это не солнце, а лик великого ангела, огненные столпы – его ноги. Одну он поставил на море, другую на сушу, она уже близко за горизонтом. Громовой голос разносится по всем четырехмерным мирам. Ангел клянется, что когда затрубит седьмой ангел, времени уже не будет и откроется тайна Божия. И значит, срока моей службы осталось сорок два месяца, а может и меньше.

Хельга прокашлялась: – То есть, настанет конец света?

– Конец старого. И начало нового.

Подошел отец Себастьян, с недоумением глянул на Герду и тоже стал смотреть на фантастическую радугу.

– Да, всё как написано в «Откровении», десятой главе. Мы вовремя.

Хельга открыла было рот, но тут же стиснула губы. Радуга и солнце стали расплываться в золотистое марево, а то втянулось в алый диск над горизонтом. Стало понятно, что это возшло настоящее солнце. Послышалось жужжание, и все глянули вверх. Там от надстройки отделился небольшой летательный аппарат и устремился к солнцу.

– Начинаем регулярную разведку, – сказал отец Себастьян. – Нам важно знать, что происходит на реке Евфрат. До нее семьсот километров, но за два часа дрон долетит.

Он еще раз глянул на Герду, кивнул ей и отошел к другим людям.

– Похоже, сообразил, кто я такая, – со смешком сказала Герда. – Что же, приятно было пообщаться. Помните, что я появлюсь в минуту опасности. Если для других целей, я предупрежу, ну или вы позовете. – Она глянула влево: – Близок Кипр, это древняя земля, зловещие силы еще таятся в ее недрах. К сожалению, не только там. Желаю вам выжить, до встречи на поле Армагеддона.

И исчезла с палубы.

Хельга больно вцепилась в руку Метельского: – Она доведет меня до истерики своими явлениями и исчезновениями. Похоже, получает удовольствие от таких шуток.

Народ расходился. Вернулись в каюту, потом позавтракали и снова пошли на палубу. День снова был хмурый, дул встречный ветер. Метельский посматривал на северный горизонт:

– Там Кипр, километров сто или меньше... И гляди, как будто не было этого облака.

За бортом, над волнами, вдруг появилась женская фигура: черные волосы разметаны, рука указывает в сторону облака.

– Герда! – ахнула Хельга. – Она меня с ума сведет.

Облачко только появилось, но росло на глазах, превращаясь в тучу с металлическим отливом. Тело Метельского проняла холодная дрожь, он крикнул:

– Скорее в каюту, за оружием! Когда Герда предупреждает, медлить нельзя. И я дам сигнал тревоги.

Тина. Колодец бездны

Хотя вокруг бушует пламя, жара не чувствуется, только глайдер дико раскачивает. В другое время вырвало бы, но сейчас на это сил не осталось. Вдруг пламя уносит назад, и качка прекращается. Они снова посередине неба, а сзади поднимается гриб из огня и дыма.

– Мощностъ взрыва составила около десяти килотонн, – раздается чей-то тонкий голосок. – Хорошо, что я не был закреплен, нас просто отшвырнуло в сторону.

Кто это?.. Ах да, глайдер.

– Мои поздравления, леди Тина, – голос звучит уже нормальнее. – Вы рассчитали всё исключительно хладнокровно.

Хладнокровно? Она начинает хохотать, и опять не может остановиться. На этот раз Никита не бьет ее по щекам, а придвигается и обнимает. Удастся замолчать, и только икает несколько раз.

– И я поздравляю вас, Тина. – А это уже говорит Илья. – Вы очень тонко работаете с энергиями, даже у Селины техника грубее.

Научишься работать тонко, если не хочешь, чтобы тебя поджарили вместе с козами.

– Спасибо, – сумела сказать она. – До леди Селины мне далеко, она превратила бы эти ховеры в облачка пара.

– И так сойдет, – рассмеялся Илья. – Ну а теперь домой.

Леди Селина к этому времени вернулась, но ужинали без нее. Марфа покачала головой: «Совсем умоталась, бедняжка», и отнесла ужин в ее комнату. Да и у Тины ложка и хлеб валились из рук. Заснула сразу, но проснулась около десяти: некий грозный гул прошел над головой, а в окно ударил яростный порыв ветра. Впрочем, тут же заснула снова.

Леди Селина появилась к завтраку, выглядела бледно, и без охоты ковырялась в овсянке.

– Вот что, Селина, – наконец сказал Илья. – Если ты не хочешь, я спрошу. Тебе необходим отдых.

– Нет... – слабо запротестовала леди Селина, но Илья уже закрыл глаза. Лицо не приняло мечтательного выражения, как обычно во время дальней беседы рогн, только доносилась как бы отдаленная музыка. Наконец он открыл глаза.

– Нам разрешено, – сказал он. – И тебя укоряют, что не обратилась сама. Два дня в нашем регионе ничего не случится, мы можем отдохнуть.

– Где? – спросила леди Селина.

– Белуха. Аккемская стена.

Щеки леди Селины слегка порозовели...

Они постояли, глядя, как глайдер удаляется, скользя к гряде жемчужных облаков на горизонте.

– Странно, – сказал Никита. – В горах сейчас глубокий снег, а леди Селина вряд ли сможет пока встать на горные лыжи.

Тина улыбнулась: – Я думаю, они будут отдыхать гораздо дальше Белухи.

Остаток дня и они отдыхали, перед сном пошли погулять. Прохладно, в темном небе горят яркие звезды – мирный пейзаж. Потом в южной половина неба стала вырисовываться как бы зеленоватая колонна, расширяясь книзу – похожа на одинокий столб северного сияния. Вдруг бело-зеленое сияние охватило треть горизонта и медленно угасло. Тина попыталась выдернуть руку, ее судорожно стиснули пальцы Никиты.

– Еще один заряд антивещества, – хрипло выговорил он. – В этот раз упал на юге, с отклонением к западу. Расстояние узнаем, когда придет звуковая волна.

Пришла через два часа: грохот сильнее, чем прежней ночью, а стекла в доме зазвенели. Никита склонился над картой, принесенной из библиотеки.

– Две с половиной тысячи километров, – сказал он. – Ледниковый узел в Гималаях, в истоках Ганга. Ледники, должно быть, сразу растаяли. К счастью, там нет городов, но огромный объем горных пород превратился в радиоактивную пыль, и реки понесут ее в Ганг, а тот в населенные районы Индии.

Утром перед завтраком включили холораму: да, мощный взрыв на севере Индии. Больших жертв нет, местность не населена, однако опасаются сильного радиоактивного заражения вод. Больше за день ничего не произошло, а к вечеру следующего вернулись Илья и леди Селина. Выглядела так, будто отдыхала не два дня, а неделю, и Тина долго не могла отвести от нее глаз. Лицо посвежело и сделалось юным, волосы приобрели каштановый блеск, а голубизна глаз стала яркой и загадочной. Сколько же ей лет? Недаром про Танцующую в огненном цветке говорят – Вечная.

Пусть и вечная, но от забот не бежит, только в этот раз уступила инициативу Илье:

– Надо кое-что обсудить. Илье пришла в голову пара идей.

Они сидели после завтрака в столовой, на столе удивительно красивый букет, от запаха которого слегка кружилась голова. Вряд ли такие цветы растут у ледников Белухи.

– Сначала кое-что поглядим, – сказал Илья. – Селина сказала, что видели, как собирается народ на тот шабаш в Барнауле. Но не видели, как закончился, уже улетели...

– Что такое шабаш? – спросила Тина.

– Согласно легендам, ведьмы слетались на гору Брокен в Германии, встречались там с дьяволом и занимались всякими непотребствами... Я уже бегло проглядел, начнем с этого момента.

– Мы что, переместимся обратно во времени? – удивился Никита.

– В каком-то смысле, – сказала леди Селина. – Мы останемся на месте, но наше восприятие скользнет назад по временным линиям. Ты легко могла научиться этому, Тина, просто у тебя было много других забот.

Без предупреждения стены исчезли. Тина вскрикнула, она опять оказалась висящей в пустоте.

– Илья, нельзя же так резко, – укоризненно сказала леди Селина.

– Извините. – сказал тот, но внимание Тины уже приковала картина: склон холма с террасами, люди на них, многие обнажены и... Она сглотнула, вот уж действительно непотреб-

ства. Откуда-то сзади падает мерцающий свет, раздается сладостная музыка, но она не смеет обернуться, слишком хорошо запомнила предупреждение леди Селины.

– Вот, – сказал Илья. Изображение (или это реальность?) скачком приблизилось. Полуодетые мужчина и женщина, а с ними юная девушка, лет пятнадцати-шестнадцати, завороченно смотрит на совокупающиеся пары.

– Они привели сюда совсем ребенка! – гневно сказала леди Селина. – В следующий раз отведут ее во Дворец наслаждений. И хорошо, если отец не ляжет со своей дочерью. Ненавижу!

Заглушая музыку, в уши Тины вошел шипящий звук.

– Опять они, – прошептала она.

Быстро смеркалось, и темнеющий воздух вдруг наполнился красными искрами. Тина дернулась, но одна безвредно прошла сквозь ее руку, словно она стала призраком. Однако люди перед ней не были призраками. Будто рой раскаленных ос падал на голых или едва одетых людей, те вскакивали, неистово крича, и в отчаянии кидались из стороны в сторону. Одежда, на ком была, загоралась... Изображение опять приблизилось. Двое, что были с девушкой, тоже кричали и срывали с себя горящую одежду. Саму девушку миниатюрные молнии как будто облетали стороной, но лицо исказилось от страха, рот широко раскрылся и тоже кричала. Грянул гром – на людей посыпались красные градины, они ранили голые тела, отскакивая на землю. Из ран брызгала кровь...

– Достаточно. – громко сказал Илья, и изображение пропало. – Девушка, а может и кто еще от огня особо не пострадали, хотя от града им тоже досталось. Больницы в Барнауле переполнены пострадавшими от ожогов, многие погибли.

Они снова были в уютной столовой, и увиденное казалось кошмаром.

– Я могу отвести такие молнии, – прошептала Тина. – Но не когда их столько. Мы накидывали козьи шкуры, если не успевали в укрытие, а тут почти все голые.

– Вот что, – сказал Илья. – Нам важно кое в чем разобраться. Пусть это будет наш малый военный совет. Происходящее напоминает описание Иоанна в «Откровении»: второй ангел вострубил, и горящая огнем гора была брошена в море. Это похоже на заряд, упавший в Тирренское море. Третий ангел вострубил, и звезда Польша упала на источники вод, и многие из людей умерли, потому что воды стали горьки. Это неминуемо произойдет из-за радиоактивного заражения Ганга, на реке стоит много городов, в том числе Варанаси, а других источников воды мало. Но это явно деяния Мадоса, в первый раз он промахнулся с Римом, а во втором случае возможно так и было задумано. Прямо Варанаси он уничтожить не рискнул, ответ мог быть сокрушительным. Иоанн описывает, что эти наказания посланы Богом, но может быть и другое толкование, что они Им допущены... А вот первое бедствие, град и огонь, явно не от Мадоса. Я посмотрел, оно описано в Библии, книге «Исход»: «Господь произвел гром и град, и огонь разливался по земле; и послал господь град на землю Египетскую»⁴. Это было еще за четыре тысячи лет до Мадоса.

Илья говорил уверенно, и у Тины чуть не открылся рот: прежде воспринимала Илью, как бледную тень леди Селина. А та с улыбкой сказала:

– Муж когда-то изучал теологию, в первые годы нашего брака. Как будто ничего не забыл.

– И почему-то слегка смутилась.

– Так что следует ожидать событий, описанных в конце восьмой и в девятой главе «Откровения», – продолжал Илья. – Как вам моя версия?

Тина подумала: – А почему вы не хотите узнать наверняка? Как я поняла, леди Селине достаточно только спросить.

Та покачала головой.

⁴ «Исх» 9:23

– Тина, – укоризненно сказала она. – Я действительно причастна Высокому совету, и порой получаю помощь. Чаще словом, а иногда и делом. Только тебе пора узнать правило трех «Д» – думай, догадывайся, действуй. Высшие в иерархии ценят самостоятельность сотрудников и оказывают помощь, только если ты на пределе своих сил, а то и превзошла его. Так было с нами в Темном чертоге.

– Извините, – смутилась Тина.

Никита подался вперед: – Но почему Бог посылает бедствия или допускает их?

– Это старая проблема, – вздохнул Илья, – почему Бог допускает зло? А вам говорили о демонических силах?

– Нет, – сказал Никита. – Я читал только в земных книгах. А на той планете слышал о даймонах, но это совсем другое.

– Ее обитателям повезло, – грустно сказала леди Селина. – Однако Земля давно стала полем битвы между силами Люцифера и нашего Планетарного логоса. К счастью, эта битва близится к завершению, но многие люди оказались уловлены в сети зла. И пожалуй, лучше умереть от ожогов, чем на века попасть в рабство к Темному чертогу. А умирать совсем не страшно, не так ли, Тина?..

Она содрогнулась, тот холод мимолетно пронизал до костей.

– Ну что же, делаем практические выводы, – продолжала леди Селина. – Второе и третье бедствие нас прямо не коснулись, а четвертое будет иметь скорее психологический эффект. Пятое гораздо страшнее, но продлится только пять месяцев и неясно, насколько затронет нашу зону ответственности.

– Все равно, – сказал Илья. – Сразу после четвертого предупреждаем всех, кто решился, и начинаем эвакуацию.

– Жаль, – слабо улыбнулась леди Селина, – что я не могу видеть трубящих ангелов. Некогда было учиться.

– Никита, согласен с планом? Ты будешь задействован в эвакуации. Только это может быть опасно.

– Ничего, – пожал плечами Никита.

Леди Селина глянула на Тину: – А ты останешься со мной, будешь моей правой рукой.

Как бы не лопнуть от гордости! Она сдержанно кивнула.

– У нас подготовлено пять убежищ, – сказал Илья, – для тех, кто хочет избежать ужасов Армагеддона. За каждым должна приглядывать рогна, чтобы выявлять возможных предателей. Но у нас только Эйна в Барнауле, а вы вдвоем едва ли успеете, даже если разделитесь. События развиваются быстрее, чем мы предполагали.

Леди Селина покачала головой: – Разделяться нельзя, а почти все рогны на службе у Мадоса. Я спрошу Эсмеральду, однако живущие при храме слишком избалованы, им претит насилие даже в допустимых границах. Эйна редкое исключение.

Тина нахмурилась: смутная мысль зашевелилась в голове, но никак не ухватишь.

– А трудно увидеть предательство? – спросила она.

Леди Селина глянула на нее: – Нет. Желтизна, как при обычной лжи, только распространяется на несколько участков ауры. Был бы Дар, а различить легко.

Илья как будто смутился.

– Тогда... – начала Тина, еще не зная, что сказать дальше, но мысль вдруг обрела четкость. – Есть приют для юных рогн на Урале, откуда я сбежала. Если вы, леди Селина, сможете научить нескольких...

Леди Селина улыбнулась: – А что, это мысль! Урал за пределами нашей зоны, однако ты оттуда, и возражений не будет. Только наверное, ты думаешь и о чем-то еще.

У Тины загорелись щеки.

– Если вы возражаете...

– Совсем нет, лучше уж под моим приглядом. И нам действительно необходимо несколько рогн, пусть даже сумеют только это.

Она глянула на Илью: – Извини, тебя мы не берем, у Тины личные счета. Да еще надо заканчивать подготовку к эвакуации, пусть Никита помогает.

Потом повернулась к Тине: – Ну а мы прогуляемся налегке. Не забудь камень, возможно вернемся другим путем. Мой изумруд только копия, он не заряжен энергиями мира Кайлита. И, как ты хочешь выглядеть?

– Надену красное, что вы посоветовали.

– Ну а я синее, как положено. Будем эффектной парой. Не станем откладывать, на Урале тоже наступает утро.

У себя Тина переделалась в бордовое платье – с виду простое, но элегантное, и хорошо помнила, сколько оно стоит. А когда в холл спустилась леди Селина, чуть не открыла рот: синее длинное платье, а на груди колье из фиолетовых камней с золотистыми искрами в глубине.

– Вы как королева, – сказала она. – Что за камни, никогда таких не видела?

– Аметисты, достались от госпожи Элизы. Пусть бедные девочки поглядят, какой может быть жизнь. Мы здесь одни, и я не стану изощряться, просто возьми меня за руку. Мы здесь, и нигде, и там, куда Тину влечет желание.

Холодный ветер подул в лицо, жемчужное сияние возникло и погасло вокруг. Знакомое место – перед ними арка с полустертой надписью «Уральский лицей фонда Кэти Варламовой». Прохладно, серое утро. Неужели они уже на Урале? Каким же могуществом надо обладать для этого?

– Это не та Кэти Варламова, которую я видела в Петербурге? – спросила Тина.

– Она самая. Была первым президентом Северной федерации, и фонд ее имени основал более ста лицеев. Девочки и мальчики, гуманитарное обучение, много внимания уделялось религиозным дисциплинам. Думаю, их воспитанники не пошли бы на шабаш наподобие того, что был в Барнауле. К сожалению, Мадос постепенно разрушил всё.

– Вы такая сильная, и у вас могущественные друзья. Раздавили бы этого Мадоса.

– Нельзя, Тина. Есть высший закон, и одна из его граней – незыблемость принципа свободы воли. Если люди хотят следовать за Мадосом, мы не вправе мешать, но кто противится, помогаем. Я не уверена, что много девочек осмелится пойти с нами. Сейчас время завтрака?

– Да. Лучше подождем снаружи.

Пошли ко входу, как все знакомо! Из калитки вышел охранник, как могла о них позабыть?

– Кто такие? – грубо спросил он. – Сюда нельзя!

– Присядь, отдохни, – молвила леди Селина.

Лицо охранника побелело, он сделал несколько шагов назад и рухнул на скамейку.

– Я не причинила ему вреда, – сказала леди Селина. – Он из тех, кто... был тогда?

– Лицо незнакомое. – хмуро сказала Тина. – Почти год прошел, наверное наняли новых. Вообще-то я хотела походить и собрать всех мужиков. Если кто остановит, познакомится с маленькими, но вредными молниями.

– А где что находится?

– В левом корпусе квартиры преподавателей и столовая для них. Справа корпус obsługi и общая столовая. В центральном на первом этаже классы, на втором спальни девочек.

– А это спортплощадка? Подождем здесь, поиграю-ка я на флейте из Гамельна.

– Что это такое?

– Есть легенда, что один крысолов, играя на флейте, выманил всех крыс из немецкого горда Гамельна. А когда жители не заплатили, так же увел их детей. Вам что, сказок не давали?

– Таких нет, – буркнула Тина.

– Давай посидим, вон и скамейки есть.

Они сели, солнце уже ярко освещало облупленные стены. Леди Селина слегка прикрыла глаза. Тина вслушалась, но раздавался лишь неопределенный шум. Потом леди Селина открыла глаза:

– Сейчас потянутся. Перед Зовом никто не может устоять, этот действует на подсознательном уровне, и ты имеешь на это полное право. Если будет время, научу.

Дверь открылась, и показался первый мужчина – преподаватель истории, одет наспех, вид озадаченный. Этот нравился, и тогда его не было. Когда появился второй, Тину бросило в жар, и она стиснула кулачки. Физрук – это первый, кто лег на нее, безжалостно раздирая ее плоть.

Она шумно выдохнула и дальше смотрела с прищуром. Появился директор, что-то бормоча в коробочку трансиды.

«Обычный трансид, хотя и с наворотами, – сказала леди Селина. – Не поможет, а квантовые игрушки Мадос разрешил только своим слугам».

Директор увидел Тину, опустил трансид и побледнел. Потом стали выходить остальные – и те, и другие. Оказывается, несмотря на боль и отчаяние, прекрасно запомнила всех.

– Все здесь, – сказала она, стараясь преодолеть неожиданную хрипоту. – Все семеро.

Мужчины смотрели на обеих женщин как зачарованные, никто не сказал ни слова. Леди Селина встала:

– Я госпожа Селина, – безмятежно сказала о на. – Мою сотрудницу здесь обидели, и мы пришли, чтобы наказать виновных. Будьте добры, укажите своих обидчиков, леди Тина.

Мужчины оторвали глаза от леди Селины и уставились на Тину. Во взглядах страх, кое-кто нервно облизывался. Тина поднялась на непослушные ноги. Подошла к мужчинам и ткнула пальцем в физрука. Сколько раз представляла, как тот горит заживо, оплывая черной свечой... СПОКОЙНО! Стиснув зубы, перешла к директору, а потом коснулась и остальных.

– До кого я дотронулась, остаются здесь, – угрюмо сказала она. – Другим отойти в сторону.

Отошла сама и оглянулась: к оконным стеклам второго этажа прилипли белые пятна – лица девочек.

– Вы не имеете права, – неожиданно тонким голосом закричал директор. – Все станет известно Мадосу.

– Конечно, – легко согласилась леди Селина. – Но я Танцующая в огненном цветке, и у меня есть право суда над обидчиками женщин. Я временно передаю это право леди Тине.

Один мужчина, охранник преподавательского корпуса, сунул руку в карман, наверное за станнером... И застыл, руку словно парализовало.

– Не дергайтесь, – посоветовала леди Селина, – иначе я могу случайно причинить непоправимый вред. И добавила на безмолвном языке: «Что ты задумала, Тина?»

Нет, не станет этого обсуждать даже с леди Селиной. «Увидите».

Так, зрение рогн, чакра свадхистана⁵. У всех мужчин безобразные, грязные полости, через такие энергия может течь только в самой грубой форме. Отсюда и жестокость и тяга к насилию. БЛОКИРУЕМ! Оставляем лишь узкий проток по срединному меридиану, чтобы не обречь на энергетический голод высшие чакры... Мужчины беспокойно зашевелились, а леди Селина вскинула ладонь ко рту, похоже беззвучно смеется.

«Кто тебя научил, Тина? Я бы никогда не стала».

«Госпожа Эльвира, у меня ведь не было секретов от нее. Она долго смеялась и посоветовала не слишком усердствовать. Я и не стала, энергетический меридиан сам восстановится где-то через три года».

Она перешла на обычное зрение.

⁵ Одна из семи чакр, отвечает за половые функции, находится в нижней половине живота

– Слушайте, вы! Я могла бы сжечь вас, и об этом часто мечтала. Но у некоторых есть жены и дети, хотя не понимаю, как они могут жить с такими чудовищами? Вы просто не сможете насиловать кого-либо и вообще заниматься сексом несколько лет. Я, леди Тина, сказала.

Она умолкла, опустошенная. Леди Селина улыбнулась ей и стала разглядывать пятна лиц в окнах второго этажа.

– Ах ты, сука! – неожиданно взревел физрук. Он ринулся к Тине и с размаха ударил ее по щеке. Щеку обожгло, а в голове зазвенело.

Опять эта наглая рожа у лица, и снова боль! Тину будто прострелило от щеки до пяток. Вне себя, она ткнула растопыренными пальцами в грудь мужчины. Громко треснуло, и огненные отпечатки пальцев появились на физкультурной форме. В следующий миг они вспыхнули белым пламенем, и оно охватило верхнюю половину туловища. Мужчина истошно взвыл, а в нос ударил смрад горящего мяса. Физрук отступил, покачиваясь, и рухнул на землю плавающей грудой. Тина окаменела, что она наделала? Мужчины подбегали, пытались сбить огонь одеждой, но его языки только вскидывались выше, становясь чадными и багровыми. Как она и мечтала – превратить обидчиков в головни!..

Ее схватили за руку и потащили обратно. Она попыталась вырваться, но хватка оказалась железной, неужто это леди Селина?

– Что ты сделала, глупая? Мы должны уходить!

Они пятились, но леди Селина глядела не на жуткий костер, а вверх. Губы ее беззвучно шевелились, и вдруг снова прорезался звук:

– Ты забыла, зачем мы пришли, – горько сказала она. – Мелкое себялюбие на первом месте. Там есть очень талантливые девочки, а теперь мы не сможем забрать никого.

Она повернулась и пошла быстрее, волоча за собой Тину. Когда миновали арку, вдруг приостановилась и нырнула в заросли. Ветки больно хлестнули Тину по щеке, и на глазах выступили слезы, словно ей дали вторую оплеуху. Где-то здесь был заброшенный бассейн, но к нему не пошли – продолжая крепко держать Тину, леди Селина выглянула обратно на дорогу. Их как будто не преследовали, над спортплощадкой все еще стлался дым, слышались крики.

– Такое пламя не погасить, – огорченно сказала леди Селина. – Может, ты овладела еще и тайным огнем рогн?

Тина дернулась, но ее держали крепко. Леди Селина всматривалась.

– Есть! – вдруг радостно сказала она.

Хотя слезы застилали глаза, Тина тоже взгляделась: из толпы вынырнула маленькая фигурка и зашпешила в их сторону. Люди позади нее застыли на пару мгновений, а потом побежали следом. Леди Селина вышла на дорогу.

– Не останавливайся, Эстела!

Девочка побежала быстрее, но ее нагоняли. Леди Селина вскинула ладонь:

– Эстела, падай на землю!

Девочка упала, будто споткнувшись, и тут же между нею и преследователями полыхнула стена огня, даже Тину окатила жаром. Стена сразу опала, но люди уже бежали обратно, истошно вопя, им пришлось куда хуже. Девочка вскочила, опасливо оглянулась и быстро пошла к леди Селине. Слегка конопатое личико, рыжие подстриженные волосы, пронзительно-голубые глаза. Подойдя, она вдруг упала на одно колено.

– Я приветствую вас, госпожа... – дрожащим голосом сказала она.

– Я леди Селина и приветствую тебя, Эстела. У тебя остается твое имя. Вставай, и больше не делай так – ни передо мной, ни перед кем другим.

– Мне говорили, – пробормотала девочка, вставая. – Что один раз я должна.

– Кто же просвещает вас в тюрьме Мадоса?

– Рассказывали тайком, что есть некая, танцующая в огненном цветке. Что она госпожа неба и земли. Я вдруг увидела вас и сразу поняли, кто вы есть. А потом услышала призыв и поняла, что надо бежать, может быть еще успею.

– Услышала Зов? – Леди Селина оглянулась на Тину. – Надо же, каких талантливых девочек прячет в своих тюрьмах Мадос.

У Тины запылали щеки, провалиться бы сквозь землю.

– Я не властвую над небом и землей, – сказала леди Селина. – Никто не властвует, всё много сложнее. Но если захочешь, я могу стать твоей наставницей. Только нам пора уходить. Возьми меня за руку.

Девочка схватила леди Селину за левую руку, а Тина заколебалась. Она упала в глазах леди Селины, она вывалялась в грязи.

– ТИНА!..

Она неохотно взяла леди Селину за правую руку – и провалилась куда-то... На этот раз не было жемчужного сияния, только серая мятущаяся пустота. Яростный ветер дул в лицо, пронизывая тело насквозь. Некий зловещий шепот слышался со всех сторон. У Тины обмерло сердце, будто чьи-то невидимые руки хватали ее. Неожиданно все кончилось, они снова были в знакомом холле.

– Вот как бывает в Серой зоне, Тина. – сказала леди Селина, не глядя на нее. – Оттуда можно и не вернуться. Извини, Эстела, обычно всё проходит легче.

– Это вы меня извините, – пробормотала Тина, выпуская руку леди Селины.

И побрела в свою комнату, хотя лучше забиться в какую-нибудь щель. Никиты не было, и пролежала на постели до вечера. Какая она гадкая? Почему не может сдержаться? Ведь давно решили, что такого наказания для мужиков будет достаточно. А теперь в ушах стоит треск сгорающей человеческой плоти, а в ноздрях смрад горелого мяса.

Когда явился Никита, тускло сказала:

– Давай поужинаем на кухне, у меня размолвка с леди Селиной.

На расспросы Никиты не ответила, поужинали под неодобрительными взглядами Марфы. Если бы не Никита, не ужинала совсем. И ночью не допустила его к себе: так и казалось, что насквозь провоняла той тошнотворной гарью. Но утром Марфа решительно воспротивилась завтраку на кухне.

– Леди Селина велела передать, что или придете завтракать, или будете голодать.

Из-за Никиты пришлось пойти. Леди Селина бегло глянула на нее.

– Доброе утро. – сказала Тина, держа глаза долу. – Извините меня.

– Это ты меня извини. Совсем забыла, что у тебя недостаточное образование. Эльвира учила, так сказать, высшей математике, а арифметику ты не освоила. Обученная рогна почует злой умысел на расстоянии и остановит обидчика, не шевельнув пальцем. В крайнем случае скует капканом рогны, из которого не вырваться. Так что сегодня у нас начальная школа, буду учить тебя и Эстелу азбуке. Садись и поешь овсянки, больше ничего нельзя. Моя наставница, госпожа Ассоль, говаривала, что сытое брюхо к учению глухо. А тебе, Никита, Марфа всего наготовила.

Словно камень с души свалился, Тина облегченно вздохнула и уселась. Илья с любопытством поглядывал на Эстелу.

– У тебя имя начинается на «э», как обыкновенно сейчас у рогн. Или это леди Селина дала? Она как-то узнает то, что называет истинными именами.

– Нет. – Эстела кушала овсянку, сидя на краешке стула. – Мама говорила, что когда увидела мои глаза, сразу решила назвать меня Эстелой, звездочкой. Она слышала, что у всех рогн имена на «э», и ее не пугало, что я маленькая рогна. Вообще родители меня очень любили. Согласились отдать в приют только потому, что нас пригрозили лишить пособия. А у меня братья и сестры.

– Молодцы твои родители, – сказала леди Селина. – А теперь извини за прямой вопрос, но ты сама попросила меня стать Наставницей. Ты любишь Мадосу?

Тина заерзала: вспомнилось, как горячо молилась Мадосу.

– Ненавижу, – коротко ответила Эстела.

– Надо же, – удивилась леди Селина. – Ладно, подробнее поговорим наедине. Впрочем, теперь нам не обязательно говорить вслух.

Тину кольнуло: между нею и леди Селиной так и остается дистанция. Да еще ее глупости... Но к обеду вымоталась так, что стало не до глупостей. Ее выжали как лимон, и это начальная школа? Под насмешливым взглядом леди Селины потрепыхалась в невидимом капкане рогны, а потом ухитрилась сковать ее саму, хотя наверное это было только притворство. Зато Эстела влипла в воздух как муха в янтарь. После этого Тину оставили в покое, надо было ставить Эстеле тонкое зрение. Этого Тина нахлебалась вдосталь – госпожа Эльвира гоняла ее, как ту козу.

До вечера отдыхала, ночью решила и сама пошла к Никите, а утра не было. Солнце, правда, встало, но совсем тусклое, и утренний свет был сер и безрадостен.

– Словно Земля вошла в пылевое облако, – сказал Никита, стоя у окна. – В полете это опасная ситуация: выдержит ли магнитное поле массозаборника? И ускорение резко нарастает, с антивеществом реагирует гораздо больше захваченной материи.

Но завтрак прошел спокойно. Илья пожал плечами:

– Пылевое облако или что другое, выяснить не удастся, доступ в центр траекторных измерений для нас закрыт.

А леди Селина только улыбнулась:

– Для нас это несущественно. Четвертый ангел вострубил, и день потерял на треть свой свет. Может, чтобы показать людям, в какую мрачную бездну их увлекают? А для нас все ясно, готовимся к пятому бедствию. Илья, немедленно оповещай всех, и приступаем к эвакуации. Сначала Барнаул, с тобой Никита и Эйна. Я беру на себя убежище «Таштагол», вылетаю с Тиной и Эстелой, пусть доучивается на ходу.

Однако спешки не было, спокойно попили чай с тортом. Зато потом суеты хватило: долетели почти до Новосибирска, опустились на берегу большого озера и ждали людей, которые подъезжали и подлетали на обычных такси. Постепенно место стало напоминать луг для пикника, но без сцен разврата, как в Барнауле: все было сумрачно, и даже дети притихли. Потом начали прибывать заказанные пассажирские хожеры.

– Их, конечно, станут отслеживать, – сказала леди Селина, – но с некоторого момента потеряют из виду, а электроника вообще окажется девственно чистой. Тина и Эстела, по первому хожеру работаем вместе.

Началась посадка. Люди подходили к хожеру, обычно семьями, а Тина с леди Селиной и новой напарницей стояли в стороне от входа. Леди Селина осматривала подходящих, и Тина тоже старательно сканировала ауры. Ничего особенного, хотя часто мутноваты. Но вот эта...

«Тина, Эстела, увидели?» – леди Селина шагнула к долговязому подростку. – А где твои родители, Дима?

Действительно, желтизна окрашивает сразу два сектора ауры.

– Меня воспитывает тетя, – отозвался подросток. – Сказала, чтобы я на всякий случай покинул город. Сама не захотела.

– Дима, постой, пожалуйста в стороне. В первую очередь мы вывозим семьи с детьми и женщин.

Подросток пожал плечами и отошел. Тина невольно глянула на леди Селину, теперь уже в ее ауре промелькнула желтизна. Леди Селина неловко улыбнулась.

«Похоже, обработан агентами Мадоса, – сказала она. – Со временем отпросится к якобы больной тете и выдаст всех».

Да, чтению мыслей еще надо учиться. И впервые леди Селина призналась, что делает это, видимо в данном случае сочла оправданным. Перешли ко второму хOVERу, затем к следующему. В общей сложности отсеяли несколько человек. Леди Селина приказала им сесть в свободный хOVER, и машины стали подниматься в воздух. Последний хOVER взял курс назад в сторону Новосибирска.

– Ничего не стала им объяснять, – вздохнула леди Селина. – Развезут по домам, и всё. Я могу ошибиться, но безопасность большинства важнее.

Они сели обратно в глайдер, и тот полетел вслед за хOVERами.

– Я посчитала, тут было четыреста двадцать человек, – сказала Эстела. – Но в Новосибирске наверное живет миллион. Что будет с остальными, леди Селина?

– Соответственно карме, – снова вздохнула та. – Мы не строили иллюзий, что можем спасти большинство. И Христос этого не обещал. Он обещал суд.

– Ну да, нам описывали его как страшного тирана. Кто не подчинится, будет ввержен в геенну огненную. Но вот мама говорила иначе.

– Права мама, а не твои фальшивые учителя, Эстела. Только помни, нередко очищение возможно только через страдание. Лучше уж не пачкаться в грязи.

Тина молчала: хмурое небо, тусклое солнце, серый унылый день. Очень хочется, чтобы солнце засияло снова... Убежище «Таштагол» оказалось похожим на предыдущее – в лесу, среди невысоких гор. На этот раз завесу невидимости сняла она, Эстела смотрела на нее, открыв рот. А Тина глядела на вереницу людей, скрывающуюся в недрах горы: сколько им придется провести здесь? Леди Селина слабо улыбнулась.

– Раньше мы боялись, что это будут годы, но теперь надеемся на лучшее. Однако о времени будет особый знак, в районе Иерусалима.

– Мне тоже туда? – Эстела кивнула на вход. – Но я ничего не взяла с собой... Хотя у меня ничего и нет.

– Нет, будем только навещать, – ответила леди Селина. – Тебя еще надо учить... Ладно, полетели домой. Илья говорит, что у них все прошло хорошо.

Ужинали вшестером. Марфа с ног сбилась, но не позволила девушкам помогать.

– Я бы осталась в убежище, – сказала Эйна. – Люди напуганы, не всем семьям достались отдельные помещения, неизбежны стрессы. Но завтра снова работать. Я читала в «Откровении» про пятое бедствие, только не верится. Какая-то саранча...

А ты, Тина, вообще не читала.

– Поживем, увидим, – вздохнула леди Селина. – Мне это тоже кажется странным. Что говорится в толкованиях, Ильи?

– Одни комментаторы полагают, что так Иоанн увидел современную военную технику. Другие, что это демоны, но как демоны могут явиться на физическом плане? А ты раньше думала, что Иоанн мог видеть п`ургов.

– Надо же, я и забыла. Ну, скоро узнаем точно.

Эйну и Эстелу проводили в общежитие, а когда возвращались, звезды светили тускло, совсем не похожие на прежние яркие звезды Алтая. На другой день был другой город – Кемерово, и другое убежище. Оставался один город – Красноярск, и в утро третьего дня это случилось.

Серое небо озарилось. Не зеленовато-белым светом, как раньше – свет поначалу был розоват, и некое светило появилось в зените, медленно опускаясь к земле. Постепенно оно стало красного, а затем багрового цвета. Рубиновые лучи выстреливали из него в разные стороны горизонта, и оттуда начинал подниматься дым. Донесся пульсирующий рокот, светило опустилось в южной стороне горизонта, и через некоторое время оттуда полыхнуло красное зарево.

Все уже стояли на веранде.

– Вот и звезда упала с неба, – сказала леди Селина, красный свет стекал по ее лицу, – и данным ей ключом отворит колодец бездны. Или, скорее, колодцы. Должно быть, Темный чертог тоже наготовил убежищ для своих тварей, не все мы смогли уничтожить.

– Стоит ли всем лететь в Красноярск? – спросил Илья. – Я и Селина должны, мы обещали людям. А вот девочки...

Леди Селина кивнула в сторону Тины: – Видел бы ты, что эта девочка сотворила в Темном чертоге? А насчет Эйны, и особенно Эстелы не знаю.

Эйна вздернула подбородок: – Я полечу. Зря, что ли, готовилась к такому случаю.

– Я тоже, – буркнула Эстела.

– У тебя совсем нет опыта, – леди Селина выглядела озабоченной.

В памяти всплыло: «Ты будешь моей правой рукой, Тина». Ей доверили, а она...

– Я буду ее страховать, – сказала Тина. – Чтобы у вас руки были свободны, леди Селина.

Та издала смешок: – Спасибо, Тина. Скорее всего, они мне понадобятся.

В этот раз отправились на двух глайдерах. Дорога была длиннее, чем в прошлый раз, наконец впереди показалась серо-стальная лента воды.

– Енисей, – сказал Илья, – то, что оставили от Красноярского водохранилища. Электростанция давно не работает, но плотину разбирать не стали, по ней проходит магистраль с Таймыра в Индию.

Над левым берегом стлался дым.

– Подлетим, глянем, что там такое? – спросила леди Селина.

– Не стоит, – ответил Илья. – Может, это связано с той падающей звездой. И людей уже собирают. Это дальше от нас, поэтому я в основном полагаюсь на сотрудников.

Опустились на правом берегу. Из-за леска виднелась река, перегороженная большой плотиной, с нее падали белые каскады воды. Действительно, на поле уже стояли ховеры, к ним с дороги у реки сворачивали машины. Из второго глайдера вышел Никита с «девочками», как их снисходительно назвала Тина.

– Я работаю одна, – сказала леди Селина. – Эйна тоже. Тина и Эстела вдвоем. Никита, останься у глайдера Ильи, мой сам о себе позаботится. Думаю, надо спешить.

Быстро разошлись по ховерам, заняли места у входов. С Ильей здоровались за руку, на роги поглядывали с любопытством. И здесь в основном были семьи с детьми.

«Детей жалко, – сказала накануне леди Селина. – Они еще ни в чем не виноваты, но отродья Мадоса не станут разбирать. Спасем от лишних мучений, сколько сможем, Если бы нас больше слушали...»

Тина уже свыклась с быстрым сканированием аур, а Эстела оказалась талантливой, один раз отозвала ее в сторону и прошептала в ухо (безмолвной речью пока не овладела):

– Погляди на эту девушку. Как будто влюбленность, но странная. Леди Селина показывала, что обыкновенно в форме цветка, а здесь будто червоточина.

Тина взгляделась: да, странно. С внутренним содроганием – это ведь чтение мыслей! – все-таки сумела вызвать сопутствующий образ. Леди Селина настрого приказала: «Делать это можешь только в крайнем случае и с разрешения старшей. Никогда – со своим мужем».

Темный, соблазнительный лик Мадоса! И эта попала в ловушку его жуткого обаяния. Тина содрогнулась, но спокойно подошла к девушке:

– Аня, побудь пока в стороне. Ты же видишь, у нас в первую очередь семьи с детьми.

Девушка явно обиделась, но подхватила рюкзачок и отошла. Первые ховеры заполнились и улетели, а Тина с напарницей начали работать со следующим...

– Тина, смотри, – указала Эстела.

Дым с того берега достиг середины реки. Станный дым, в нем что-то поблескивает. Еще ближе... в дыму видится как бы суетливое копошение. Он быстро надвигается, застилая небо, вот первые космы касаются их берега.

Сумрак еще больше сгущается, першит в горе, и вдруг из дыма вырывается несколько странных созданий. Сразу не разглядеть, будто осы-переростки: крылатые, с металлическим блеском, и самое жуткое – кто с лошадиными, кто с человеческими головами, только поменьше и с безжалостными ликами. Создания падают на людей, раздаются отчаянные женские крики. Одно зависает над Эстелой, и Тину обдает зловонным воздушным вихрем. На конце туловища хвост с изогнутым жалом, и существо заносит его для удара.

Тину будто обдает ледяной волной, но время послушно замедляет ход – этот навык бесконечно отработывали с Эльвирой, иначе не попасть в ритм пульсации молний. Не поднимая рук, просто вызывает всплеск энергии на месте адской твари. Ту с громом разносит в клочья, и пламенный столб уносит их в небо. Тина быстро оглядывается: Эстела не пострадала, но их слишком много! Будто стальная туча надвигается на людей, фасетчатые глаза отблескивают багровым, а жала яростно мечутся в предвкушении, как сейчас вонзятся в человеческую плоть...

Глава II – Седьмая труба

Лон Метельский. Всадники Апокалипсиса

Они скатились по трапу. Внизу Метельский приостановился, локтем разбил защитное стекло и нажал красную кнопку. Истошно завопила сирена.

– Гедеон, опасность с севера! – крикнул он. – Всем к оружию!

Схватили автоматы и первыми выбежали на смотровую палубу. Метельский рванул ручку открывания окна. Быстро темнело, на корабль надвигалась металлически отблескивающая туча.

– Боевая тревога! – загремел «Гедеон». – Рой существ, по-видимому опасных. У кого есть оружие, на смотровые палубы по левому борту. Открыть окна, встретить нападающих огнем. Не оставаться на открытом месте.

На палубу вбежали люди, распахивали окна, целились. По лицу Хельги побежали трепетные блики, и когда на палубу ворвался холодный вихрь от машущих крыльев, она открыла огонь. Метельский следом – сначала целясь в центр мелькания, затем давая короткую очередь. Гремело со всех сторон, от отдачи содрогалось тело, а может и палуба. Уши сразу заложило.

Сливаясь с грохотом, раздавался жуткий визг и звон, наверное по корпусу корабля колотили осколки. Метельского что-то больно дернуло за левую щеку. Он сменил магазин и продолжил вести огонь. Перед «Азамарой» и в самом деле возникла стена из летящего металла, ни одно из существ не сумело приблизиться. Их рвало в клочья, а остатки тел падали во взбаламученную воду. От порохового дыма было трудно дышать. Третий магазин, четвертый... вскоре сумка опустела. Но и от тучи металлических тварей ничего не осталось, только в воздухе висел сизый дым, а море было покрыто бурой пеной. Метельский опустил автомат и чуть не уронил его, онемевшие руки не держали. Рядом опустила оружие Хельга.

– У тебя кровь на лице, – хрипло сказала она. – Тут должна быть аптечка.

Попыталась прислонить автомат к борту, но тот с лязгом упал. Хельга махнула рукой, пошла к переборке и вернулась с медицинским пакетом. Жгучей жидкостью протерла щеку и взгляделась.

– Похоже, разорвало осколком. Наложу пластырь, а потом надо в медчасть, зашить рану. Будешь человеком со шрамом, но это ничего. Сувор говорил, что шрамы украшают мужчин.

– С-пасибо, – выговорил Метельский. – Хо-рошо, что т-тебя не задело.

– Да, женщин шрамы не красят.

Еще пара человек получили легкие ранения от осколков и рикошетирующей картечи – если бы эти твари проникли на корабль, столь легко бы не отделались.

– Так и не разглядела их толком, – пожаловалась Хельга, поглядывая на бредущего рядом Метельского.

– П-похожи на осу-переростка, что р-ранила отца Се-бастьяна, только больше... Я лучше бу-ду говорить через тран-сид, а то больно.

– Давай сразу в медчасть. Рана пустяковая, но что-то вид у тебя неважный.

Там пришлось ждать, несколько существ все-таки прорвалось на одну из палуб и учинили разгром. С десятков людей было ранено, им оказывали первую помощь, и в приемный покой доносились крики и стоны.

– Никого не убило, – сказала Хельга, прислушиваясь к возбужденным разговорам. – Раны от жал и чего-то вроде дротиков, только очень болезненные. Наверное, это и есть та «саранча», о которой писал Иоанн. Вот, Гедеон вывел ссылку на это место.

Метельский, морщась от боли, проглядел:

«И из дыма вышла саранча на землю... И сказано было ей, чтобы не причиняла вреда траве земной... но одним только людям, которые не имеют печати Божией на челах. И дано было ей не убить их, но чтобы они мучимы были пять месяцев... И саранча по виду своему подобна коням, приготовленным на сражение... И имеет она хвосты подобные скорпионам и жала...»⁶

«Что-то вроде лошадиных морд я различил, – с трудом сказал Метельский через "Сивиллу", – только эти твари гораздо меньше лошадей. А жала... наверное капелька яда попала в рану. Сильно жжет, и все плывет перед глазами».

– Ты хотя бы не вопишь, как те бедолаги, – расстроено сказала Хельга. – Что же получается, значит у тебя нет печати Божией на челе?

«Зато у тебя есть, – попытался шутить Метельский. – И меня все-таки не ужалили серьезно».

Когда до него дошла очередь, он не кричал, но шипел от боли. С раной возились долго, она воспалилась, а пол-лица распухло. Извлекли кусочек металла, видимо жало, после нескольких уколов зашили и перевязали щеку. По пути в каюту Хельга одной рукой поддерживала Метельского, а в другой тащила оба автомата.

– Сегодня побуду сестрой-сиделкой, – сказала она. – Вряд ли тебе будет до любовных утех.

Вот уж точно: ночью метался в постели, и Хельга несколько раз прикладывала холодные компрессы ко лбу. Все казалось, что бродит голым по зимнему лесу, такой бил озноб. К утру полегчало, выбрался на балкон и наблюдал из кресла, как «Азамара» входит в порт Хайфы. Хельга принесла овсянку и несладкий чай.

– У тебя боевое ранение, – сказала она, – тебя беспокоить не велено. Отдыхай, позже сходим в лазарет сдать анализы.

Она облокотилась о перила, разглядывая оживленный порт, а потом навела на город бинокль, укрепленный на стойке.

– Народ беззаботно гуляет, – сказала она. – Представляешь, что творилось бы, если сюда добралась та саранча? Ей не повезло: мы оказались на пути, вооруженные до зубов... Посмотри, в той стороне красивое здание с оранжевым куполом, и к нему ведут зеленые террасы, прямо изумрудного цвета. Хорошо бы там погулять. Гедеон дает справку, что это сады бахаи с усыпальницей Баба. Оказывается, есть такая религия – бахаизм, они считают все религии разными путями к одному богу. И тоже есть про обещание Христа вернуться.

Метельский слушал в пол-уха: голова болела и всматриваться ни во что не хотелось. Позже сдал кровь и мочу на анализы, ему сделали несколько инъекций, но голова так и не прошла.

⁶ Откр. 9:3-10

– Кого ужалили всерьез, вообще пришлось ввести в искусственную кому, – сочувственно сказала Хельга. – Тебе еще повезло.

По коридорам топали, снизу раздавался шум моторов выгружаемой техники. Провели еще ночь на борту. Хельга покрутилась в постели, но потом уснула, а Метельскому не спалось. Заснул лишь к утру, виделся какой-то зловеющий замок под черным небом, по острым шпилям стекал синеватый свет. Утром еле добрался до ванной, а потом кое-как оделся. Хельга сочувственно глядела на него.

– Жаль, что так и не побродили по Хайфе, – вздохнула она. – Надо подумать, ехать со всеми в Иерусалим, или тебе лучше остаться в здешнем госпитале? Остальных раненых тут оставляют.

«На крайний случай больницы есть и в Иерусалиме. – сказал Метельский через "Сивиллу". – А инъекции, что прописали, можешь делать ты. Будет приятнее».

– Ну, если говоришь о приятностях, ты еще ничего, – улыбнулась Хельга. – Поедем поездом, отец Себастьян зафрахтовал целый состав. Заодно будем перевозить технику, и я попробую выговорить нам отдельное купе. Увы, только для удобства делать уколы.

С этим проблем не возникло, к поезду доставили в медицинском ховере. Там Хельга помогла забраться в вагон, а потом до купе. Отдышавшись, сходила за пожитками и клеткой с Мунином.

– Семья в полном составе, – устало улыбнулась она.

Стояли еще долго, наконец всё погрузили и тронулись. Метельский не вставал с полки, снова вернулся жар, а Хельга поглядывала в окно.

– Ничего интересного, – сказала она, обернувшись, – сначала дома, потом каменистая местность. Похоже, у тебя температура. Ну ка... – Смерив, присвистнула: – Ого, под сорок. Сделаем еще укол.

Поезд въехал в туннель, потом снова болезненно яркое солнце, и снова туннель.

– Большая часть пути проходит в туннелях, – сказала Хельга, прикладывая очередной холодный компресс ко лбу Метельского, – ничего не увидишь.

А Метельскому снова явился черный замок, облитый синеватым светом, и серые холмы вокруг. Замок стал заметно ближе... Тело дернулось, приехали.

– Всего три часа. – сказала Хельга, – расстояния меньше, чем в Сибири. Ты как?

«Что-то вымотан до предела. Странно, всего царапина».

– Это всё яд, а противоядие неизвестно. Давай опять смерим температуру.

Когда измерила, то улыбнулась: – Уже лучше, снизилась до тридцати восьми. Врачи думают, что твой организм справится. Вот, попей бульона.

Налив чашку из термоса, бережно приподняла голову Метельского и держала, пока он не выпил.

– Вот и хорошо. Пока лежи отдыхай, а я узнаю, где нас разместят. Тебя Гедеон беспокоить не будет.

Ушла. Метельский снова задремал: он стоял на пепельно-серой поверхности и кого-то ждал. Башни замка возносились над ним в темное небо. С обеих сторон от стен тянулись какие-то котлованы... Его потрясли за плечо, и он открыл глаза.

– Нам выделили отель возле вокзала, – оживленно сказала Хельга. – Раньше там останавливались транзитные пассажиры, чтобы посмотреть Иерусалим и ехать дальше. Сейчас путешественников почти нет и отель пустует. У нас опять будет отдельный номер. Я попросила двух наших, чтобы тебе помогли.

«Зачем, я сам...» – запротестовал Метельский.

Но Хельга не хотела и слушать, появились двое в шортах и футболках (на груди неизбежная собака с факелом в зубах), подхватили Метельского под руки и почти вынесли из вагона. На перроне Метельский все-таки вырвался и заявил, что пойдет сам, только пусть помогут с

вещами. Действительно, пошел довольно бодро, но от жары покрылся липким потом и скоро устал. К счастью, отель был недалеко. В номере Хельга уложила Метельского на широкую кровать, придвинула кувшин с водой и отправилась на общее собрание.

– Тебе вроде лучше, а отец Себастьян будет давать вводную, – сказала она. – Потом пере- скажу.

Прогулка утомила Метельского, и он задремал снова... Теперь он стоял у ворот замка, и две фигуры в сером открывали массивные створки. Внутри было темно и оттуда струился холод, обволакивая тело ледяными пеленами. Понемногу темнота сгустилась в некую фигуру... женская, с ладонью поднятой в знак запрета – опять Герда! По замку пробежало содрогание, и он начал осыпаться черными хлопьями. Метельский очнулся: он в гостиничном номере, все тело горит, а возле постели тенью сидит Герда.

– Тебя все-таки затягивает в Темный чертог, – сказала она, – как и меня когда-то. Ты пока не стал призраком, но яд воздействует прямо на твой мозг, и до этого недалеко. А чертог стал еще опаснее, его трехмерная часть более не существует в вашем мире и переместилась в другой, откуда нет возврата.

Метельский попробовал заговорить, однако из горла вырвался только хрип.

– Плохо дело, – покачала головой Герда, – скоро голосовые связки парализует. Слушай, Лон, ты хочешь пожить? Или уж сразу к нам?

– Хельга думает... что мне уже лучше, – на этот раз удалось заговорить.

– Кратковременный всплеск энергии, организм пытается бороться. Но твоя защитная сеть очень ослаблена. Даже если не умрешь, тобой овладеют темные сущности. Помнишь Петербург?

– А... там тоже была ты?

– Видно, судьба мне возиться с мужиками. Ну, сама выбрала быть нянькой.

Тело словно растворяется в невидимом огне, и опять темнеет вокруг.

– Ты... можешь помочь?

– Попытаюсь, не хочу обманывать ожиданий госпожи Элизы. Но тебе может не понравиться... Хотя наоборот, скорее понравится. А вот жене точно нет. Тебе надо лечь со мной.

– Что? – вместо смеха у Метельского вырывается кудяхтанье. – Я сейчас... слабее мышонка.

– Да, энергия утекает. Но твое тело купается в океане энергии, только нужен проводник. А это я. Принимая условия договора, я не знала, что он иногда будет подразумевать секс. Но это глубже, чем секс, хотя меньше, чем любовь. И это глубже, чем любовь – такого единения вы с женой достигнете только в новом эоне.

– А?..

– Теперь помолчи. Пересиль слабость и разденься. Я не могу справиться с твоей одеждой, а вот мое тело может наполнить твое целиком. Знай, что ты можешь умереть. Совпадают энергетические центры двух тел, и твои угасают, но через мои будет вливаться энергия огненного мира. Это почти как танец в Огненном цветке, только там есть и соприкосновение с Наивысшим... Вставай!

Метельский с трудом сполз на пол. С еще большим трудом, упираясь ладонями в скользкий пол, встал на колени. Подняться на ноги казалось невозможным: его мотало так, что пришлось опираться о стену, а пот заливал глаза. Хорошо, что был только в пижаме и трусах – содрал их, мокрые насквозь, и стоял, покачиваясь. Герда уже оказалась в постели, нагая.

– Моя одежда только видимость, – сказала она. – Ложись прямо на меня, нам не до любовных игр.

Он хотел лечь аккуратно, опираясь на руки, но они подвели, и рухнул на постель, задев боком Герду. Какой может быть секс, тело не слушается, а пенис дряблый и сморщенный,

как стручок? Герда обхватила Метельского руками (его словно ударило током!) и повлекла на себя...

Всё странно: ощущаются груди, живот и бедра женщины, но будто тают под ним. Видны зеленые, переходящие в чернь глаза, они ближе и ближе – и вот их уже не видно. Он лежит будто на жемчужной пелене облаков, но женщина никуда не делась: вокруг ног смыкаются ее бедра.

Где-то в глубине облаков гроыхает гром. Однако молния ударяет не там, а простреливает копчик и лобок Метельского. Он кричит от неистовой боли прямо в чьи-то раскрытые губы. Еще удар грома, и молния пронизывает его пенис. В этот раз Метельский хрипло стонет – тот разбухает как огненное копьё, и это мучительно.

«Войди в меня», – слышен чей-то шепот.

Он скользит в нежную прохладу, удивительное чувство полноты и завершенности. Обостряются все чувства: он обнимает женщину, они сплетены воедино и плавно вращаются, а вокруг возникает будто жемчужная раковина. Вращение становится все быстрее, бедра женщины стискивают все крепче... и вдруг живот вспыхивает пламенем – сначала низ, потом верх, – и горячая пульсация проходит сквозь тело.

Теперь они висят неподвижно, только жемчужные стенки раковины будто дышат, а в груди становится все теплее. Метельский весь истекает нежностью, и такая же нежность изливается в него из женщины. Только разве это он и она – они уже единое целое! Тепло достигает шеи, ключицы прямо горят. Створки раковины открываются. Как прекрасно вокруг: жемчужные облака купаются в мягком свете, и в провалах меж ними проступают фантастические цветы, не космические ли это туманности? Невероятной ясностью наполняется голова. Кажется, он может видеть всю Землю, любого мужчину и любую женщину... но ему нужна только одна. Чтобы вечно парить вдвоем в жемчужном сиянии.

Глухо, издалека, ему отвечает гром.

Он очнулся. В ушах еще звучали последние слова Герды, но ее самой уже не было. Было покойно и радостно: он словно побывал в раю, не осталось и тени недомогания. Стукнула дверь, загорелся свет – пришла Хельга.

– Уже вечер, – сказала она. – Нас прямо замучили. Ты как?

Стало неловко, не рассказывать же?..

– Как будто ничего.

– Это хорошо, а то я вся извелась. Что-то неладное с другими, в кого попал яд. Вроде идут на поправку, и вдруг впадают в ступор. Нам сообщили, что двое умерли. Отдохну-ка я немного, а потом приму душ.

Сняв майку и шорты, она откинула простыню и застыла.

– Милый, у тебя был эротический сон? Постель надо менять. И лежишь голый, а вроде оставляла тебя в пижаме. Может, пока меня не было, трахал девочку по вызову?.. Не похоже, глаза сияют, а были бы виноватые... Слушай, это не твоя призрачная подруга? Улучила момент, да и соблазнила мужика. А еще говорила, что нематериальная.

И как только женщины всё узнают? Но врать не хочется.

– Она сказала, что только это меня вылечит...

– Вот оно как! Еще раз увижу, исцарапаю ей призрачную рожу. Только жаль, что вряд ли получится. Это для тебя она материализовалась, а для меня останется призраком. Очень удобно, никто не набьет морду.

– Не злись. Она объяснила, что необходимо вновь напитать энергетические центры моего тела. Ее собственные питаются энергией огненного мира и...

– Чего только не придумают мужики в свое оправдание. Надо бы и тебя поколотить, только боюсь пришибить, еще утром был полуживой. Не хочется стать молодой вдовой.

– Прости, Хельга, но я уже еле соображал. А она на прощание сказала, что это в первый и последний раз. Еще одно касание огненного мира убьет меня, и так все прошло на грани.

– Я еще и благодарить ее должна? Все-таки, когда встречу, дам оплеуху. Коли она призрак, то ничего не почувствует, а мне хоть немного приятно.

– Не будет встреч. Она станет являться только на миг, чтобы предупредить.

– Тьфу на вас! Если ты выздоровел, то вставай, я перемену постель. Другой кровати у нас нет. И сходи в душ.

Метельский поднялся. Хельга хмуро глядела, как он идет в ванную, и взялась за постель. Когда вернулся, она была застелена, и к ней придвинут столик с двумя полными питами. Аппетитно пахло жареным мясом и свежей зеленью.

– Взяла израильскую шуарму, – буркнула Хельга. – Думала подкормить больного мужа, вдруг скорее выздоровеет. Не знала, что найдется кое-кто пошустрее.

Шуарма показалась очень вкусной, похоже из мяса индейки, да еще салат. Метельский съел все подчистую. Хельга дулась до ночи, и пришлось постараться, чтобы ее убажить – хорошо, что сил прибыло. Наконец она сонно пробормотала:

– Вроде ты опять в форме. Может, и не стану бить эту твою... Герду.

И, отчаянно зевнув, тут же уснула...

Метельский проснулся свежий, болезнь казалась дурным сном. Только теперь увидел, что на подоконнике, нахолившись, сидит Муни.

– Придется его пока оставить, – сказала Хельга. – Идем завтракать, а потом за работу. Пока ты предавался любовным утехам, я бегала как проклятая. Одних брифингов было несколько, постепенно введу в курс дела.

В ресторане был знакомый персонал, похоже переехали с корабля, а вот блюда новые, наверное с какой-то местной кухни. Метельский из любопытства взял «сабах» – питу с жареными баклажанами, яйцом, салатом и соленьями. Вкусно и сытно, тем более вчера здорово проголодался.

Вернулись в номер, и Хельга достала из пакета одежду.

– Легкие брюки и рубашка, похожи на форму израильской полиции, только цвет немного другой. Ну и кепи с эмблемой – собака с факелом в зубах, куда же без нее? Сразу будут видеть, кто мы такие. Всё скроено на тебя.

Метельский переделся, действительно всё впору.

– Еще пояс, вот сюда вставляются запасные магазины, а вот отделение для бутылочки с водой. Здесь уже лето, жара будет несусветная и пить надо чаще. Свою палку берешь?

– Мы будем при оружии?

– Обязательно. Ношение в городе нам разрешено, только к Стене плача и в госучреждения с ним нельзя.

– Тогда не беру. Пока надо к автомату приноровиться.

Снарядились. Хельга оделась так же, только светлые волосы спадали из-под кепи.

– Не забудь надеть, это защита от солнца.

– И куда теперь?

– Я сказала, что ты здоров, и Гедеон сразу дал вводную. Сначала небольшая экскурсия, а потом у нас встреча в Главном раввинате, это ведомство по религиозным делам. Что там скажут, сама не знаю. Почему-то отец Себастьян выбрал нас двоих. Сейчас берем мувекс, а дальше как Гедеон укажет.

Спустились в холл, там народ разбивался на группы, видимо все получили свои задания. Вышли на улицу – уже тепло, – и тут в голове пробудился «Гедеон».

«Рад, что вы выздоровели. Вам обоим нужно явиться к синагоге "Ешурун", это рядом с Главным раввинатом. Транспорт всегда буду вызывать я, это необходимо для сканирования возможных угроз».

В общем, отдыхай, старушка «Сивилла». Вскоре подъехал мувекс.

«Номер числится среди безопасных, – сообщил "Гедеон", – можете садиться».

– Быстро доминиканцы обустриваются. – заметила Хельга. – Впрочем, они давно наладили тут контакты.

Сначала вокруг были современные здания, потом въехали в старый город. Остановились у внушительного здания, перед которым собралась толпа. Слышались крики.

«Можете выйти, – сказал "Гедеон". – Непосредственной угрозы нет, но будьте настороже».

– Опекает, как нянька, – буркнула Хельга.

Вышли, и сразу яснее зазвучали голоса. Язык непонятный, но уже слышал, когда в прошлый раз посетили Иерусалим – похоже, что иврит. Один голос выкрикивал громче других, и «Гедеон» начал переводить:

«Безбожники, вы отвратились от меня, только вместо старых капищ понаделали новые...»

Метельский стал пробираться сквозь толпу, следом Хельга. Вокруг косились на двух вооруженных людей, но пропускали. Наконец выбрались на открытое место и почти наткнулись на трех полицейских: голубые рубашки, темные фуражки, автоматы через плечо. На Метельского с Хельгой глянули настороженно, но тут же отвернулись, видимо их заранее предупредили о доминиканцах. Полицейские, как и прочая публика, смотрели на двух странных людей в темных, грубых на вид хламидах. Один из них продолжал возглашать:

– И будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется и возвеличится выше всякого божества, и о Боге богов станет говорить хульное и будет иметь успех, доколе не совершится гнев...

«Книга пророка Даниила, глава 11», – выдал в поле зрения справку «Гедеон».

– Мы видим, что пророчество сбылось, – вступил второй проповедник. – Это Мадос тот царь, он ставленник Сатаны, и оба противники Бога. Он хвалится, что восстановил Третий храм, но тут же превратил его в свое капище. Он богохульно называет себя воплощением Яхве, а свою блудницу Ашерой, женой Яхве. Это и есть та мерзость запустения, о которой предупреждал пророк Даниил...

В толпе раздались возмущенные крики, и в обоих людей что-то полетело.

– Ого, – сказала Хельга, – кажется помидоры, и скорее всего гнилые. Публика не в восторге от проповеди.

Несколько овощей как будто попали в цель, а толпа ринулась вперед. Полицейские очнулись от спячки и замахали дубинками, но как-то вяло, скорее призывая к порядку. В суматохе оба проповедника куда-то делись. Постепенно толпа успокоилась, разбилась на кучки, многие стали уходить. Полицейские опять собрались вместе. Метельский подошел к ним и обратился к старшему (еще на корабле ознакомился со структурой израильской полиции).

– Шалом! Извините, что отвлекаю, но почему вы не стали активно вмешиваться?

Офицер пристально поглядел на Метельского, и «Гедеон» сообщил, что считал про него информацию. Молодцы доминиканцы, прямо свои здесь.

– Незначительное нарушение порядка, – сказал он. – И неизвестно, кто нарушил больше. Проповедников нам приказано не трогать, а горожан тоже можно понять. Вот если будут кидать камни, тогда мы вмешаемся.

Метельский огляделся, но камней на площади к счастью не замечалось.

– Тода!⁷ – поблагодарил он и вернулся к Хельге.

– Какие-то местные разборки, – сказал он. – Наверное власти не определились, что делать.

⁷ Спасибо (ивр.)

Раздался звонок, похоже на музыкальную тему из какого-то хорала. Отец Себастьян, по тактической сети «Гедеона».

«Видели двух мужчин, одетых во вретиче?»⁸ – спросил он.

«Как будто. А кто это такие?»

«Судя по всему, те библейские пророки, о которых писал Иоанн. Обличают Мадоса и призывают к покаянию».

«Тогда те самые. Похоже, их здесь не очень привечают».

«Как и предсказано. Тогда отправляйтесь в раввинат, вас будут ждать. Вообще-то это не их сфера деятельности, а скорее министерства внутренних дел, но правительство в Израиле толком не сформировано. Так что вместе со службой безопасности создали временный штаб, во главе поставили как будто компетентного человека».

Главный раввинат был рядом, тяжеловесное серое здание. Их попросили сдать оружие, взамен выдали номерки. Хельга отдала боевой пояс и со смешком сказала Метельскому:

– И ты сдавай свой пояс, с боеприпасами нельзя в религиозное учреждение. Я теперь заужала иудаизм.

– С чего это? – удивился Метельский.

– А помнишь Стену плача, я тогда попросила в записке, чтобы ты взял меня в жены. Как видишь, сбылось.

– Ну и ну, – покрутил головой Метельский. – В следующий раз и я попрошу чего-нибудь.

– Только не другую жену, – пригрозила Хельга.

Прошли через сканер, и робот-служитель покатил вперед, указывая дорогу. Поднялись на третий этаж, в коридор с непонятными табличками, наверное на иврите. Робот остановился у никак не обозначенной двери. Та открылась, и они вошли: за большим столом человек в темной шляпе, а на стуле перед ним молодой мужчина в уже знакомой полицейской форме.

– Шалом! – сказал человек в шляпе, вставая, и продолжил по-английски: – Если не ошибаюсь, Лон и Хельга Метельские? Меня зовут Меир Иегуда, и я помощник главного раввина по особым делам. Также позвольте представить сержант-майора полиции Нахума Бара (тот кивнул). Присаживайтесь, – и указал на свободные стулья.

Расселись, полицейский бегло оглядел Метельского с Хельгой.

– Я пригласил вас двоих после консультации с отцом Себастьяном. – продолжал Иегуда, – по весьма деликатному вопросу. Вы уже видели двух... проповедников. Я тоже смотрел, как они выступают, – он кивнул на выключенную холораму. – Это длится уже неделю и вызывает у нас серьезную озабоченность. С одной стороны, они открыто обличают Верховного наставника, я имею в виду Мадоса, хотя раввинат и занимает в вопросе о его наставничестве сдержанную позицию. Порою доходят до прямых оскорблений, а это как минимум повод для административного преследования. С другой стороны, они одеты и ведут себя как древнееврейские пророки, ортодоксальные иудеи к ним присматриваются и мы не хотим вызвать их недовольство суровыми мерами. В-третьих, это все же не еврейские пророки, а скорее христианские и похожи на тех, кого описал Иоанн в книге «Откровение», возможно специально их копируют. Так что христианское население, и не только в Иерусалиме, тоже болезненно воспримет полицейские меры против них...

– Гм, – сказала Хельга. – Вы перечислили уже три стороны сложившейся ситуации. Обычно обходятся двумя.

Сержант-майор сдержанно улыбнулся: – Два еврея, это всегда три мнения, привыкайте.

Иегуда кивнул: – Можно добавить и четвертую сторону, мусульман. Они тоже ждут прихода Махди и внимательно слушают этих проповедников. Пророками их назвать не могут, Мухаммед последний пророк, но обличение Мадоса кое кому нравится... В общем, велика

⁸ Мешковидная одежда из верблюжьего волоса или грубой ткани

вероятность, что конфликт может вспыхнуть с любой стороны. Например, вчера они кричали собравшимся, что их отцы распяли настоящего мессию, Иисуса, и призывали к покаянию, чтобы в этот раз встретить его достойно. Правовверные иудеи чуть не взяли за камни, и полиции пришлось действовать более решительно. Но в полиции служат в основном евреи, и такие слова им вряд ли нравятся. Не исключено, что на сколько-то камней они закроют глаза. А у Иоанна сказано, что если кто захочет причинить пророкам вред, огонь изойдет из уст их и пожрет врагов их. Мы знаем, что подобное могут вытворять рогны, а вдруг и эти? Тогда перед нами встанет серьезная проблема: признать их истинными посланниками Бога, или объявить лжепророками? Ни того ни другого нам не хотелось бы. Могу лишь согласиться с сержант-майором Нахумом, в равнине мнений по этому вопросу едва не больше, чем в нем членов.

– Как я понял, – сказал Метельский, – вы хотите, чтобы пророков охраняли от эксцессов, но одной израильской полиции не доверяете и хотите иметь людей со стороны?

– Как бы смешанный состав, разных вероисповеданий. Например, нам не нужны истово верующие христиане, а то могут проявить излишнее рвение. – Он глянул на Метельского: – Отец Себастьян сказал, что вы католик довольно формально и сумеете сохранить нейтралитет. Ну а вы, госпожа Хельга, – он повернулся к ней, – не принадлежите ни к одной из главных конфессий, и тем более сможете остаться беспристрастной...

«Вот почему отец Себастьян не спешил меня окрестить, – услышал Метельский на тактической частоте "Гедеона". – Ведьма им все-таки нужна, только нашли другое применение, чем сжигать на костре».

– Мы не хотим привлекать внимания большим количеством людей, – продолжал Иегуда, – поэтому вас будет только трое. – Третьим сержант-майор Нахум, однако в его распоряжении будет и небольшое подразделение. Ваша задача по возможности снизить накал страстей и предупредить инциденты, не вставая ни на чью сторону. Конечно, вы будете при оружии, но применять его на поражение вам позволено лишь в двух случаях: нападение хасил, или террористический акт.

– Что такое «хасил»? – спросила Хельга.

– На иврите – «губитель», та саранча, с которой вы столкнулись в море. В Торе описаны пагубные налеты саранчи, и, хотя сейчас она появилась в другом обличье, название опять стали использовать. В Иерусалиме таких налетов пока не было, но надо быть наготове... Второй случай – нападение вооруженного фанатика или группы, но и тут желательно ограничиться станнерами, в крайнем случае стрелять по ногам.

Хельга скептически хмыкнула: – Не доверяю станнерам, подготовленный террорист может носить отражающую сетку. И наши автоматы в толпе не годятся, дают слишком большой разлет. Лучше снабдите нас еще пистолетами, из них удобнее стрелять по ногам, да и в корпус, если надо ликвидировать наверняка. Для небольших дистанций хорошо подойдет «глок».

Нахум кивнул: – Израильская полиция использует модернизированный «глок 17», вас снабдят.

– Вы согласны выполнять наше поручение? – спросил Иегуда. – Если так, тогда вместе с сержант-майором Нахумом займитесь практической стороной. Оружие, огневая подготовка, знакомство с правилами действий израильской полиции. Вы будете считаться дружинниками, без присвоения званий, но вследствие важности миссии вам назначается оклад на уровне сержант-майора.

«Отдают нас на растерзание, – сказала Хельга на тактической частоте, – и всего-то за сержантский оклад. Ты как, Лон?»

«Я просто обязан согласиться, раз отец Себастьян просит».

«А... Поймал нас на удочку, не хуже иезуитов. Ну что же, в случае чего хотя бы умрем вместе»».

– Мы согласны, – коротко ответил Метельский.

Так что весь день занимались этой «практической стороной». Носить форму было не обязательно, однако Хельга подобрала два комплекта полицейской одежды.

– Брюки подгоним в нашей мастерской, она перебазировалась с «Азамары», а на рубашках напечатаем эмблему «псов господних». – Примерила к поясу полицейскую дубинку: – Больше полагаюсь на сюрикены, но вдруг понадобится ткнуть в ребра какого-нибудь мужика. Лучше бы между ног, но меня предупредили, что для женщин такое абсолютно исключено, какой-то иудейский запрет. Так что это удовольствие придется оставить тебе. Дубинку берешь?

Метельский подумал: – Нет, лучше палку Морихеи. Только как ее носить, к поясу не привесишь, а руки лучше оставить свободными?

– Закажу тебе перевязь, будешь носить за спиной, будто меч... Как там поживает Юкико?

Постреляли из «глока», прошли на тренажере краткий курс обучения и только к вечеру вернулись в отель. Хельга забрала полицейскую форму и отправилась в мастерскую, а Метельский принял душ и раскинулся на кровати. Снова влезает в чужую историю, но что делать, если он дал слово? Как там говорил Морихеи?... «Поднимись над личной любовью и личным страданием, существуй во благо человеческое» – кажется, тоже слова Миямото Мусаси.

Метельский вздохнул: была у него личная цель – выпустить кишки Сувору, и чтобы подольше мучился. Только радости это не принесет, ведь Татьяну и убитых жителей села Иогач не воскресишь. Остается существовать во благо человеческое, хотя с Хельгой это не так уж плохо.

Та явилась к ночи и кинула на кресло ворох одежды. – Брюки, рубашки, для тебя перевязь, всё примерим завтра. Надеюсь, ты хорошо отдохнул, а то у тебя есть и другие обязанности, кроме службы в израильской полиции.

Эти доставили больше удовольствия, чем возня с оружием, потом неплохо выспались, а после завтрака занялись примеркой.

– На рубашку мне нашили погончики, – объяснила Хельга, – только без знаков отличия. Все-таки я офицер, но это больше для удобства Мунина. Собака с факелом теперь на груди, чтобы сразу видели, мы не обычные израильские полицейские. Примерь перевязь, палку вставляешь в это гнездо сбоку, так удобнее выхватывать. Ну а при мне мои сюрикены.

Она покормила ворона, потом вставили в карманы пояса запасные магазины, Метельский перекинул через плечо автомат, а Хельга открыла окно: – Мунин, лети!

Тот с громким хлопаньем крыльев вылетел. Хельга тоже подхватила автомат и спустились на улицу. Там Хельга пронзительно свистнула, и паривший в воздухе ворон опустился ей на плечо.

– Небось, удивлю сержант-майора Нахума, – сказала она. – Но он нам не начальник, командует только своим подразделением.

– Эффектно смотришься. – похвалил Метельский. – Черный ворон на плече, светлые волосы выбиваются из-под кепи, прямо валькирия.

Ворон пошевелился. «Кар-р», – будто подтвердил он.

– Как и мечтала, – вздохнула Хельга, – только вот не мечтала служить в еврейской полиции. Интересно, куда мы сегодня? Что-то Нахум помалкивает... Гедеон, какие планы для нас?

«Ждите, – суховато сказал голос Гедеона в ухе Метельского. Выразительности не больше, чем у жестянки, не чета " Сивилле". – Сержант-майор Нахум приедет за вами на глайдере».

На дворе появился отец Себастьян, подошел и благословил.

– Особо не усердствуйте, – посоветовал он, – ваше присутствие будет скорее символическим. Лишь если будет назревать серьезный конфликт, помогите его уладить. Ну и будьте готовы к появлению хасил или каких-нибудь фанатиков.

Метельский пожал плечами: – Отец Себастьян, от нашей охраны мало проку, если этих проповедников попробуют снять пулей издалека. Что стоит Мадосу, или кому там еще, использовать снайперов?

Отец Себастьян сдержанно улыбнулся: – Во-первых, свидетели Божии появляются неожиданно и в неожиданных местах, заранее позицию не подготовишь. Во-вторых, и мы кое-что предусмотрели. Над городом будет летать дрон с «Азамары», через него Геден сможет отследить возможных террористов. Дрон не виден простому глазу и вооружен. Конечно, в «Откровении» сказано, что если кто захочет причинить свидетелям вред, огонь изойдет из уст их и пожрет врагов их, но это было написано до появления снайперских винтовок, и лучше подстраховаться... Ладно, за вами кажется летят. С Богом! – И отошел.

К ним спустился глайдер – белая машина с синей полосой и надписью «Police». Верх убран, за штурвалом Нахум. Он воззрился на ворона Хельги, потом спохватился:

– Шалом! Эта птица с вами?

– Ну да. Знакомьтесь, это Мунин, один из двух вещих воронов Одина. Но вещать он не будет, да и жалованья не просит.

Сержант-майор явно с кем-то проконсультировался, а потом натянуто улыбнулся:

– Что же, ваше дело. Если не будет создавать проблем... Садитесь.

– Я с Мунином сзади, – сказала Хельга.

Садясь, Метельский поинтересовался:

– А почему не хOVER? Тот бесшумен.

– Хорошо помогает остудить горячие головы, если зависнуть сверху. Кстати, этот глайдер теперь в вашем распоряжении, отец Себастьян оплатил лизинг. Но, с вашего разрешения, пока поведу я, лучше знаю город.

– А эти... проповедники всегда выступают в одном месте?

– Нет. Они как хорошие актеры, выбирают обстановку. Похоже, заботятся об аудитории холовидения, она порой достигает сотни миллионов человек. Ночуют в домах иудеев или христиан, а где оказываются утром, мы узнаем только потом. Сегодня это долина Кедрона.

Стекла глайдера поднялись, а крыша задвинулась.

– Извините, фрау Хельга, вдруг ваша птица нагадит на какое-то надгробье.

Хельга пожалала плечами: – Ничего, пускай посидит в глайдере.

Полетели над городом – впереди выростал, тускло отсвечивая золотом, купол мечети Омара. Нахум указал на него:

– Раньше сиял нестерпимо, но теперь весь город будто в тени. Зато не так жарко.

Прямо к мечети не полетели, глайдер пошел на снижение правее. Открылась долина, усыпанная прямоугольниками надгробий, уже видели ее в прошлый раз с Масличной горы. В одном месте собралась небольшая толпа, часть людей в темных одеждах и шапках. Сержант Нахум посадил глайдер в стороне.

– Мои люди уже здесь. Чтобы лучше слышать, включу наружные микрофоны.

Одеты проповедники были так же, в грубые хламиды, один вещал звучным голосом:

– Древние пророки говорили, что Мессия должен въехать в Иерусалим на белом осле через Золотые ворота, что как раз над нами. Так и сделал Иисус Христос, но его не признали, а наоборот, предали мучительной казни. С тех пор верующие евреи до сих пор ждут прихода своего Мессии, однако придет всё тот же...

В толпе началось движение, и Нахум покачал головой.

– Как бы опять не схватились за камни.

– Тут из камней только надгробия, – заметила Хельга, – тяжеловато кидаться.

Мунин заворчался и что-то проскрипел, будто в подтверждение.

– Золотые ворота были замурованы мусульманами, – продолжал тот же проповедник, – чтобы Мессия больше не мог проехать через них. Но дух веет, где хочет, и ему нет надобности в воротах. Да и зачем они? Христос не войдет в храм, который был осквернен Мадосом. Он будет разрушен, будут новое небо и новая земля, где останутся жить только чистые, те, кто не осквернил себя поклонением тьме и блудом!..

– Благочестивые евреи стремятся быть похороненными в этой долине, – вступил другой, – и платят за это большие деньги. Они верят, что когда Мессия явится, те, кто погребен здесь, воскреснут первыми. Они заблуждаются, хотя в этом заблуждении не их вина, а вина их отцов. Христос был воскрешен Отцом небесным первым и передал учение о воскресении своим ученикам. Апостол Павел сказал: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся, вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся»⁹. Но не все мертвые воскреснут, а только убиенные за проповедь об Иисусе. Это сказал уже Иоанн, и это будет воскрешение первое, а остальным, в том числе самым благочестивым иудеям, придется ждать того, что называют Страшным судом...

Раздались возмущенные крики, и Нахум поспешно поднял дверцу.

– Это уже откровенно христианская проповедь, и не все наши такое стерпят. Идемте.

Действительно, кое-кто в темном стал наклоняться, подбирать что-то с земли и швырять. Побежали вместе с Нахумом. Больших камней здесь действительно не было, только щебенка, она и пошла в ход. Проповедники прикрывались рукавами, а трое в полицейской форме достали дубинки, но не спешили ими воспользоваться.

– Как бы нас в ответ не поджарили, – выдохнула Хельга. – Видела я записи, как сгорают в огне рогн. Кто тут главный?

Она кинулась к человеку, который уже несколько раз нагибался за щебнем, вытянула в его сторону дубинку, но бить ею не стала.

– Эй! – крикнула она. – Как не стыдно! С вами только хотят поговорить, а вы кидаетесь камнями. Будто мальчишки!

Бросавший щебенку на мальчишку не походил: черная борода, поседелые пряди выбиваются из-под шапки. Однако руку разжал, и щебень просыпался на землю.

– Это еще что за христианская собака? – прошипел он на иврите («Гедеон» добросовестно перевел). – Защищаешь своих?

– Я не христианка, – заявила Хельга, – это мой муж католик. Но мне неприятно смотреть, как вы поступаете с людьми. Вы иудеи, представители древнейшей религии, как можете не уважать людей другой веры? Тем более, по-моему, веруете в одного Бога.

Сквозь толпу протискивались телеоператоры, крупным планом снимая Хельгу и ее оппонента. У того задергалась щека, но явно постарался взять себя в руки.

– Не дело женщин спорить о богословии, – жестко сказал он. – То, что говорят эти еретики, противоречит Торе и Талмуду. Пророк Даниэль сказал: «И многие из спящих во прахе проснутся, одни – к вечной жизни, а другие – к вечному стыду и позору»¹⁰. Ничего не сказано о убиенных за проповедь об Иошуа Бен-Пандире...¹¹

«Хельга, Лон, – сказал Нахум на тактической частоте "Гедеона", – можете отойти. Вы успешно переключили агрессию на себя, и теперь будут до бесконечности спорить о Талмуде».

Метельский, который так и простоял с палкой наготове, взял Хельгу под руку, и вернулись к глайдеру. Садясь, та фыркнула:

– Надо же, меня обозвали христианской собакой. Чуть не ткнула ему дубинкой в рожу, а потом сообразила, что на мне и вправду нарисована собака. Ну, на рубашке.

– Ты молодец, – сказал Метельский. – Остальные полицейские просто стояли, разве что дубинки вытащили... Нахум, я слышал, что Талмуд очень замысловатая книга. Неужели эти проповедники ее знают?

⁹ I Кор. 15:51-52

¹⁰ Дан. 12:2

¹¹ Т.е. Иисус сын Пандира – наименование в талмудистских текстах Иисуса Христа, якобы бывшего сыном некоего солдата

Сержант-майор кивнул: – Это как бы сборник комментариев к Торе, часто весьма мудреных. А эти... знают его досконально, ни разу не удалось подловить. Иначе их уже объявили бы самозванцами.

Посидели, послушали дальше – действительно, мудреная дискуссия. Люди постепенно прибывали, но до стычек уже не доходило.

– Довольно много молодежи подходит, – сказала Хельга. – Удивительно, что не во дворец наслаждений. А вот телевизионщики как будто потеряли интерес, всего один ховер остался.

– Им нужно что-то поинтереснее споров о Талмуде, – ухмыльнулся Метельский. – Например, ты с дубинкой наперевес.

К обеду стало жарко, то и дело приходилось потягивать воду. Люди начали расходиться, с кем-то ушли проповедники, кладбище опустело.

– Они по вечерам где-нибудь выступают? – спросила Хельга.

– Нет, – ответил Нахум, – но люди приходят в дома, где они ночуют. Собrania порой до полуночи, там выставляем только наружное наблюдение. В Сети часто идет любительская трансляция.

– Хватит с меня пока богословия, – зевнула Хельга. – Надеюсь, завтра будет интереснее...

Утром отправились в старый город, и место действительно оказалось живописным – Цитадель Давида, две старинные четырехугольные башни с зубцами поверху. На этот раз Хельга выпустила ворона из глайдера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.